

Арте́м Шумилин Серж Винтерке́й

**Ревизор:
Возвращение в СССР 16**

Ревизор

Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 16

«Автор»

2024

Винтеркей С.

Ревизор: возвращение в СССР 16 / С. Винтеркей — «Автор»,
2024 — (Ревизор)

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжают. Павел неожиданно для себя становится причиной большого переполоха в Верховном Совете. Все больше возможностей появляется для занятия своим любимым ревизорским делом, хоть и урывками между учебой и работой. И в КГБ к нему относятся со все большим интересом. Впрочем, есть и понимание, что все это внимание может в любой момент обернуться проблемами, если не быть настороже...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артем Шумилин, Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 16

Глава 1

г. Москва.

Добравшись наконец до дома, сообщил жене, что нас ждут у отца в гостях.

– По какому поводу? – заволновалась Галия, что забыла о какой-нибудь знаменательной дате.

– Они машину купили, – ответил я.

– О, какую?

– «Москвич».

– Молодцы, – обрадовалась за них Галия и принялась собираться. Через час мы были уже в гостях. У Киры уже был накрыт стол. Мальчишки крутились возле отца и одолевали просьбами покатасть их на машине.

– Папа сегодня празднует, а кататься будете завтра, – объяснил я детворе. – Потерпите чуть-чуть.

– Вечером сходим ещё раз посмотрим, – пообещала детям радостная Кира. – Папа посидеть вам в машине разрешит и побибикать.

– Ура! – закричали пацаны. Вот, теперь игрушка всей семье будет.

Накатила ностальгия. Вспомнил, как сам лет в пять впервые сидел в купленном отцом запорожце... Всплыли перед глазами радостные лица отца и матери, я по полной ощущал значимость события...

Посидели у них часа два, обсудили институтский ГСК. Председатель их профкома уже почти добился выделения места, скоро станет известен адрес.

– Но нам с тобой в том краю, по-любому, не удобно будет, – заметил я. – Так что нам не принципиально, где место под ГСК выделят.

– Э, не скажи, – возразил отец. – Нам же меняться потом. А на ходовое место быстрее желающие найдутся.

– Тоже верно, – согласился я.

Остаток вечера, просто, отдыхали и наслаждались семейной обстановкой за бутылочкой хорошего вина.

– Инну сегодня должны были выписать, – вспомнил я. – Наверное, дома уже. И не позвонишь, не узнаешь, как там дела...

– Раз отпустили, значит, в порядке! – сказал отец, – не будем пока ее тревожить пару дней, пусть в себя после больницы в домашней атмосфере приходит.

Выпили и за её здоровье. Слишком долго сидеть за столом не стали, вышли все из дома и пошли в сторону станции. Новоиспечённые автолюбители остались возле своей машины. А мы с женой попрощались, ещё раз их поздравив, и пошли на электричку. А то у меня пёс дома уже заждался.

Секретарь, поздоровавшись, тут же провела Пархоменко без очереди в кабинет. Трое сидевших в приемной посетителей даже взглядом не выдали, как они этим недовольны. Ссориться ни с Пархоменко, ни тем более с секретарем зампреда ВС дураков не было.

– Проходи, присаживайся, – велел Игнатий Федорович.

Огромный, с грубыми чертами лица, он казался тем, кто его не знал, деревенщиной, случайно пробравшейся на такую высокую должность. Зато все, кто с ним были хорошо знакомы,

такой иллюзии не имели. Хватка у Игнатия Федоровича была железной. Если он во что вникал, то обойти его на этом поле было уже практически невозможно.

Пархоменко пристроился на краю стула. Не нравилось ему выражение лица зампреда.

– Василий Николаевич, а ты не запамятовал, где именно работает Межуев? – сразу в лоб спросил его Игнатий Федорович.

– В КПК, но это же не значит, что мы тут должны перед ним в струнку ходить! – возмущенно ответил Пархоменко. – У нас свои функции и задачи, и в них точно не входит со студентами возиться, выдавая им легкие задачи, как Межуев хотел бы...

– погоди, не горячись, – сказал зампред, выбивая барабанную дробь пальцами по столу, – получается, ты у нас гордый и самостоятельный, обособляешь себя от партии? Считаешь, что мы тут сами по себе, и партийные задачи решать уже не должны? А партбилет для красоты чисто носишь?

– Да ни в коем случае! – тут же почувал подвох Пархоменко, – как же бы я мог...

– А получается, что смог, – покачал головой Игнатий Федорович, – что тебе сказал Межуев этому пацану поручить?

– Да какие-то отчеты писать или что-то в этом роде, – поморщился растерянно начальник секретариата, – или записки по науке и технике. Что-то, что нам точно не нужно. Мы по другим вопросам зашиваемся... Да я считаю, что этот пацан счастлив должен быть, что на такую работу попал, а не бегать жаловаться...

– А он и не жаловался... – вздохнул зампред, – а зря. Так бы мы раньше про твои бесчинства узнали. А не тогда, когда ему Межуев сам позвонил, чтобы спросить про доклад...

– Да какие бесчинства, Игнатий Федорович, право слово! – возмутился Пархоменко. – Распустили молодежь, первокурсник, а на что-то претендует вообще...

– А такие! – сверкнул глазами зампред. – Комитет партийного контроля работает в тесной связке с Политбюро, напоминая, если ты почему-то об этом забыл. Владимир Лазоревич затеял специальную новинку для Политбюро – собирать от разных специалистов доклады по новинкам науки и техники, обобщать их и делать на их основе доклад для членов Политбюро. Сейчас же век НТР, НИОКР и все такое. И твой новый сотрудник, которого ты письма разбирать отправил по своей дури, должен был тоже в этой программе участвовать! Владимир Лазоревич его для этой задачи с докладами из рук директора Курчатовского института вырвал. Очень уважаемый академик хотел первым его к себе пристроить.

А что теперь Межуеву предъявлять Политбюро по твоей милости – вырезки из писем трудящихся, осуждающих вторжение США во Вьетнам? Вот где твои мозги, а? Что это за барство такое – думаешь, импортный костюмчик нацепил, в красивый кабинет сел на серьезную должность, канцелярская твоя душа, и КПК с Политбюро тебе больше не указ? Мне самому тебя на землю опустить, или у тебя хитрый план был разозлить Межуева, чтобы он сюда с партийной проверкой пришел, и по статье тебя уволил? Да еще и меня зацепил?

Пархоменко сидел в полуобморочном состоянии. Едва он услышал, что помешал работе Политбюро, как потянул галстук, ему стало не хватать воздуха.

– Иди уже, дурень, – смилостивился зампред, – я даже не знаю, что теперь будет. Остается надеяться на то, что Межуев не обозлится слишком сильно, а тебе надо теперь бегать и шустро разгребать завалы. Пацану верни работу на условиях Межуева. И, не знаю, что ли... Да, так и сделаем – подключай своих на эту задачу – напишите сами этот доклад для Межуева. Пацан уже не успеет. Поставьте там его имя только, чтобы все выглядело чинно-благородно. Подводить Политбюро я лично не готов. Надеюсь, и ты тоже.

Пархоменко только и смог пробормотать, что больше не подведет и все исправит, и, сгорбившись, пошел к выходу из кабинета.

– Постой, – сказал ему вслед Игнатий Федорович. – Доклад готовый завтра к 11.00 отдайте моему секретарю – лучше пусть она лично его Межуеву передаст, чем вы снова что-то напутаете.

Поднялись на лифте. Еще когда подходили к двери, я услышал, как разрывается телефон. Пospешил открыть, но он тут же смолк.

– Паша, Галия, здравствуйте! – мать Ивана отворила свою дверь и стояла на пороге, – наверное, там что-то срочное, телефон разрывается уже несколько часов, почти без остановки!

– Спасибо, Ирина Леонидовна, – поблагодарил я. – Ну, раз так, то сейчас снова перезвонят.

– Надеюсь, ничего с мамой или папой не случилось? – испугалась Галия.

– Нет-нет, что ты! – поспешил успокоить я ее, – скорее всего, это по поводу работы меня разыскивают.

Ну да, сразу вспомнил про недавний звонок Межуева. Интересно, от него называют? Ну а какой я доклад сделаю, если у меня еще пропуск не оформлен? Впрочем, так ему и скажу, выше головы не прыгнешь...

Как и обещала Ирина Леонидовна, телефон зазвонил буквально через минуту после того, как мы вошли.

– Павел... Тарасович, добрый вечер! – услышал я какой-то измученный голос, обладателя которого я не узнал, – а подскажите, пожалуйста, как точно ваш доклад должен называться, который Межуев вам поручил сделать?

– Простите, а с кем я говорю? – решил уточнить у собеседника.

Ну мало ли, сам Межуев попросил кого проверить, не готов ли я изложить все, о чем мы с ним беседуем, любому встречному. Может, я и параноик, но это партийная элита... Те еще зубры. Мало ли они в какие игры со мной готовы играть.

– Это Пархоменко Василий Николаевич, – тем же замученным голосом сказал мужик, – мне бы все же название услышать... И завтра зайдите ко мне в любое время с одиннадцати до трех, надо будет переговорить по вашим обязанностям у нас. Уточним кое-что.

Ого! – подумал я. Большая птица почтила меня своим звонком...

– Здравствуй, Василий Николаевич, – покладисто сказал я, – речь шла о докладной записке о новинках техники, зарубежной и отечественной, и как они могут повлиять на экономику СССР.

– Спасибо, Павел Тарасович, – Пархоменко сегодня был невероятно вежлив. – Завтра вас жду. Доброго вечера!

Галия уже успокоилась, поняв, что звонок не имеет к ее родственникам в Святославле никакого отношения. Но ей все же стало любопытно.

– И кто звонил, что хотел?

– Да мой начальник в Верховном Совете, глава секретариата, – ответил я. – Один раз с ним всего общались, и был он тогда весь такой напыщенный и надменный одновременно. А сейчас вот звонил, и очень даже вежливо со мной разговаривал. Есть у меня одна догадка, почему, но точно не скажу, во что все это выльется...

В субботу в девять утра я уже стоял у проходной Камвольной фабрики на Язуе. Дежурный охранник позвонил куда-то и очень скоро появился Воздвиженский. Увидев меня он, очевидно, растерялся.

– Доброе утро, Глеб Николаевич. Я Ивлев, – представился я.

На его лице отразилось недоверие, изумление, потом недоумение. Так и не понял, что его больше смутило, мой возраст, он явно ожидал кого-то более серьезно выглядящего, или то, что мы уже знакомы.

– С чего начнем? – спросил он меня.

– Давайте, с очистных, – решил я. – Надо закрыть этот вопрос в первую очередь. А то фабрика сильно внимание к себе привлекает своими грязными стоками.

Он кивнул и повёл меня в сторону реки.

Подмосковная деревня Коростово.

Апполинария с мужем, Аришкой, Трофимом и Эльвирой укатали на центральную усадьбу на «Жигулях» Ахмада.

И только тут Никифоровна вспомнила, что не заказала им новый таз эмалированный. Вот-вот вернуться Егорыч с Родькой с рыбалки, рыбы опять целое ведро притащат, а старый таз мужчины под свои нужды строительные выпросили. И в чём рыбу чистить?

Пока Никифоровна бегала во двор, посмотреть, может ещё не уехал со двора жигулёнок, уже и рыбаки в конце улицы показались.

– Смотри, Аннушка, сколько мы рыбы наловили, – похвастался Егорыч.

– А наши уже уехали по магазинам. Забыла им таз наказать купить, – расстроено поделилась Никифоровна. – Старая совсем стала.

– Ничего страшного, – поспешил её успокоить Егорыч. – Что, тебе обязательно с центральной усадьбы таз? У нас в Сельпо, небось, не хуже есть. Родьку сейчас пошлём, он быстро обернётся.

Никифоровна обрадовалась и поспешила в дом за деньгами. Из мелких в кошельке были только рубль и десятка. Рубля на таз не хватит, – решила она. – Придётся десятку дать.

– Вот эти два сарая надо сносить и ставить тут новый корпус под очистные, – показывал мне Воздвиженский. – Тут производственный корпус общей стеной, – показал он мне. – И бульдозер не подгонишь, надо по кирпичику аккуратно разбирать.

– И в чём проблемы? – спросил я.

– Кто будет этим заниматься? – раздражённо спросил он. – Мне что, рабочих с цехов снять? План сорвать?

– Рабочие руки, что ли, нужны? – удивился я. – И только в этом была вся проблема? Из-за этого вы два года очистные не могли запустить?

– Не только. Ещё финансирование. Людей нанять не проблема, хотя и рабочих толковых, непьющих, тоже, поискать надо. Расплачиваться потом с ними чем?

– Ну, уж не поверю, что вам не выделили средств на реконструкцию одновременно с оборудованием.

– Выделили на новый корпус. А расчистка места под него – это наши проблемы.

– Ну, давайте, будем их решать.

В голове сразу всплыло просительное лицо Лехи. Уже тягостно стало приходиться на занятия – он все время с такой надеждой на меня смотрит, рассчитывая, что я заказ для стройотряда найду. Сами они что-то там, вроде, попытались найти, но как-то без энтузиазма, и ничего не вышло. А тут такой случай...

– Людей я вам приведу, сильных, непьющих, готовых работать по двенадцать часов без выходных. Они вам не то что, два сарая, всю фабрику по кирпичику разберут.

– Это где ж такие есть?

– Студенты. Им за два летних месяца надо денег заработать на год вперёд. Вот они и будут стараться на совесть. Сколько вы планировали на снос этих строений потратить?

– Разбор и вывоз обломков кирпича, я считал, фабрике обойдётся тысяч в пятнадцать.

– Из них студенты могли бы взять на себя, собственно, сам разбор и загрузку самосвалов. Сколько за эту работу дадите?

– Ну, тысяч десять, – вопросительно взглянул он на меня.

– Двенадцать, – возразил я тоном, не терпящим возражений, делая вид, что оцениваю объём работы. – Они, кстати, и новый корпус вам помогут возвести. Стены не потянут, конечно, тут каменщики нужны, но фундамент залить смогут. Быстро и чётко. Только им батя Черномор грамотный нужен.

– Кто? – не понял меня Воздвиженский.

– Инженер-строитель, который бы указания им давал, проверял и контролировал.

– Это я и сам могу, – выпрямил он спину. – Я строительный институт окончил. А до армии строительный техникум. Три лета каменщиком на стройке отпахал, любого прораба за пояс заткну.

– Слушайте, Глеб Николаевич, ну, тогда, вообще, никаких проблем не вижу. Команду из студентов я вам предоставлю. Финансирование выйдем, только, посчитайте всё как следует. Можно считать, очистные сооружения на фабрике уже стоят. Пойдёмте, теперь, производство посмотрим.

Подмосковная деревня Коростово.

Гордый Родька впервые в жизни пошёл в магазин с целыми десятками рублями в кармане. Ему доверили серьёзное дело. Он очень спешил к ближайшему магазину. Уже много раз он ходил сюда с дедушкой. Подбежал, дёрнул запертую дверь и только тут увидел табличку «Учёт». Разочарованию мальчишки не было предела. Он растерянно стоял у магазина. Тут к нему подошли трое парней-старшеклассников.

– Привет, у тебя деньги есть? – спросил один из них.

– Есть, – честно ответил Родька.

– Можешь дать? Мы вернём.

Такого мальчишка не ожидал. Но уже признался, что деньги есть, отказывать неудобно и зажимая в руке чирик, он спросил:

– Точно вернёте? Это не мои деньги.

– Точно-точно. Где ты живёшь?

Родька подробно рассказал, где он живёт и отдал деньги парням.

Москва, квартира Ивлевых.

Галия готовилась дома к экзаменам, как вдруг услышала, что в подъезде что-то происходит: послышалось многоголосое пение, заиграла скрипка... Галия открыла дверь и столкнулась на лестничной площадке с соседями, Ириной Леонидовной и Ксюшей. Они с любопытством смотрели куда-то вверх и прислушивались. Тут спустился Иван и позвал женщин вверх.

– Пошли скорей! – призывно махал он руками. – Там целое представление!

Женщины осторожно начали подниматься. Начиная с шестого этажа, лестница была уже полна народу. Соседи вперемешку с настоящим цыганским табором. Музыка, песни, скрипки, гитары. Так шумно и оживленно в подъезде еще никогда не было. Все поднимались потихоньку вверх. На восьмом этаже в двухкомнатной квартире были распахнуты настежь двери, и женщины протиснулись туда. В большой комнате не было ничего, кроме столов, стоявших буквой «Г». Стулья стояли только вдоль стен, а всё остальное пространство было свободным. На нем собирались соседи с разных этажей.

– Дорогие друзья, коллеги и соседи! – вдруг громогласно возвестил хозяин квартиры Яков. – Благодарю вас всех, что собрались на наш с Идой праздник. Сегодня мы отмечаем новоселье в этом прекрасном доме!

– О, так, у них новоселье! – воскликнула Галия, глядя на Ксюшу и Ирину Леонидовну. – А мы без подарков. Нехорошо...

– Сейчас что-нибудь придумаем, – улыбаясь, ответила Ирина Леонидовна и стала пробираться к выходу. Галия пошла за ней.

Выпустили их хозяева с трудом и то, под честное слово, что они скоро вернуться.

Галия выбрала кухонный набор из свадебных подарков, а Ирина Леонидовна с Ксюшей тоже вышли со свёртком и поехали все вместе, в этот раз на лифте.

Они вошли в квартиру вместе с как раз подошедшей Линой. Она с любопытством оглядывалась вокруг, пытаясь понять, что происходит. Только она вошла, её сразу вытянул в центр комнаты молодой красавец-цыган, и повел танцевать. Музыка не прекращалась, шутки, смех, песни... Говорили с трудом, ничего не было слышно. Галия и соседки протиснулись к хозяйке и вручили свои подарки. Она тут же усадила их за стол. Успели посмотреть один номер, как подъехала ещё одна пара в национальных костюмах.

– Семейю Данченко с новосельем! – громогласно прокричал новый гость и всучил хозяину что-то тяжёлое в коробке.

Вновь прибывшие гости выступали перед остальными гостями, которые им подпевали и аккомпанировали. Все было очень профессионально, голоса красивые и поставленные. Видно было, что никакой это не табор, а труппа, коллеги Якова и Иды по театру.

Глава 2

г. Москва. Дом Ивлёвых. Квартира на восьмом этаже.

Вскоре сделали перерыв. Тихонько пела скрипка, часть гостей вышла в подъезд покурить. Молодой цыган, увлекая за собой Лину, тоже вышел на лестницу.

– А вы тоже поёте? – восхищённо глядя на него, спросила Лина.

– Он танцует! – рассмеялся один из цыган, кутивший рядом.

– О, как это здорово! – мечтательно воскликнула она.

– А вы здесь живёте? – полюбопытствовал её новый знакомый.

– Да, тут, на шестом этаже, – разоткровенничалась она.

Какой парень! Как он танцует! И тот же дед плохого слова не скажет – артист!

Подмосковная деревня Коростово.

Родька пришёл домой в сильном волнении, боялся, что бабушка Аня будет ругаться, что он таз не купил.

Никифоровна поняла, что что-то не так, ещё он только порог переступил.

– Родион, а что ты с пустыми руками? – спросила она, продолжая чистить рыбу. В ведре ей это делать было неудобно, тесно.

– В магазине учёт, – ответил ей Родька.

– А, понятно. Деньги не потерял?

– Там старшим ребятам очень деньги нужны были, – ответил Родька. – Они пообещали завтра вернуть.

– Ты что, деньги отдал? – удивлённо уставился на него Егорыч.

– Тише-тише, старый, не шуми, – зашептала Никифоровна. – Мал он ещё, не понимает.

– Что за ребята хоть? – спросил дед. Родька пожал плечами.

– Парни какие-то, лет на пять старше меня. Не видел раньше никого из них...

– Родион, – поднялась Никифоровна и подошла к нему, – понимаешь, нельзя отдавать деньги чужим людям. Лучше, если никто чужой, вообще, знать не будет, что у тебя есть деньги.

– Но я же не мог им сказать, что у меня нет денег, – возразил мальчишка, – когда они знали, что они у меня есть.

– Но почему? – удивилась Никифоровна, подумав, что Родька, просто, врать не хотел.

– Ну, не мог же я в магазин прийти без денег, – ответил он.

– И то правда, – горько усмехнулся дед, переглянувшись с Никифоровной. Та только руками беспомощно развела.

Они ещё долго шептались между собой, вроде, даже немного спорили. Родьке было очень неуютно, и он удрал во двор.

Обошли с Воздвиженским производственные цеха. Он неплохо разбирался в технологическом процессе.

– Так я же сколько лет здесь уже работаю, – ответил он, когда я обратил его внимание на это. – Всё оборудование знаю, и организация ремонта на мне и запчасти.

– А технологи у вас толковые? – поинтересовался я. – Способны новую продукцию освоить? Предложения по оптимизации производства дать?

– Их тут целая команда. Есть и толковые.

– Нам бы определиться с обновлением оборудования, – задумчиво проговорил я. – Надо с вашим главным технологом встретиться, и всей его командой.

– В понедельник она будет на работе, приезжай, всё устроим.

– Хорошо, во второй половине дня подъеду, – ответил я. – А вас попрошу к тому времени прикинуть слабые места, через которые фабрика деньги теряет. В планах есть переход на хозрасчёт. А кто лучше вас фабрику знает? Надо составить список всего, что требует внимания или ещё только потребует в ближайшие годы. Если окажется, что тут всё оборудование надо менять, то будем выбирать первоочередные задачи, менять постепенно. Но у нового руководства должна быть объективная картина перед глазами.

– Хорошо, сделаю, – пообещал он.

Мы плодотворно пообщались и расстались вполне доброжелательно. Зря Воздвиженского директором не назначили, он фабрику, как свои пять пальцев знает.

Не заметил, как на фабрике часа четыре провёл и поехал в Кремль. Пархоменко уже жаждался, наверное.

Едва вошел в его приемную, как секретарша, выглядевшая лет на пять старше, чем когда я ее в прошлый раз видел, сверкнула в меня глазами как-то очень недобро. Но тут же перестроилась на ходу. И, натянув притворную улыбку, сказала:

– Павел Тарасович? Проходите, Василий Николаевич вас ждет!

Никого больше в приемной не было, понятное дело, суббота все же. Не понравилась мне реакция секретарши – явно ей что-то про меня Пархоменко плохое наговорил, раз так на меня реагирует. Правда, с чего бы мне другого ожидать? Я так понимаю, Межуев сделал какой-то ход, и явно выиграл, раз Пархоменко стал живо интересоваться деталями докладной записки, что тот поручил мне сделать.

Вошел внутрь, поздоровался:

– Добрый день, Василий Николаевич!

Тот поднял глаза от бумаг на столе. И надо же, как и его секретарша, выглядел очень изможденным. Даже воротничок рубашки у него был один запачкан, чего я от него никак не ожидал. Весь же из такой себя франт был, когда я у него на встрече был. Что тут у них тут такое было? Неужто за рабочую неделю так упахались?

– Присаживайтесь, Павел Тарасович! – притворился он тому, что рад видеть меня, намного более умело, чем его секретарша. Глаза светятся вниманием ко мне, вокруг них такие добрые морщинки, словно у бабушки, что рада видеть любимого внука.

– Спасибо! – вежливо ответил я, присаживаясь за стол для совещаний.

– В общем, такое дело, сразу мы не разобрались, но теперь все выяснили. Вам больше нет необходимости работать у Марка Анатольевича, теперь у вас будет свободный график посещений, с одной обязанностью – готовить раз в две недели докладную записку о новинках отечественной и зарубежной техники. Собственно, так она и будет называться.

Он сделал паузу, выжидая моей реакции.

– Хорошо, – кивнул я. Похоже, мои ожидания подтвердились – Межуев навел тут порядок. Не ошибся я – власти у него навалом. Интересно, чем он так Пархоменко пронял? Но никакого торжества во взгляде я себе не позволил. В принципе, сам блатных никогда не любил, которые распальцовкой занимаются, и сам таким не собираюсь выглядеть. Работать я буду честно, ну а что сидеть постоянно в четырех стенах не буду, как остальные сотрудники, так это вовсе не означает, что я меньше пользы принесу, с моим-то знанием того, что будет иметь пользу для науки и техники, а что тупиковый вариант развития.

– Учитывая, какой цейтнот был, первый доклад мы сделали за вас, и уже отправили товарищу Межуеву, – буднично сказал Пархоменко, словно так оно и нужно, и протянул мне канцелярскую папку, завязанную на бумажные веревочки, – вот ваша копия, ознакомьтесь.

Ну что сказать... Кто-то, может быть, и обрадовался бы, что доклад, который я не подготовил из-за их противодействия, вместо меня сделали. Но не я. Я привык отвечать за то, на чем есть мое имя. А тут отослали доклад, даже не дав мне на него посмотреть. Нехорошо...

Но устраивать скандал по этому поводу несерьёзно. Покажусь блатным и капризным, собирающимся наводить здесь свои порядки, опираясь на Межуева. А я не собираюсь. Не в моем это стиле, скандалить и злоупотреблять связями. Так что говорить Пархоменко ничего не буду. Просто в этот раз позвоню Межуеву, и разьясню, что это доклад готовил не я. Независимо от того, понравится он мне или нет, когда я с ним ознакомлюсь.

– Хорошо, – снова сказал я.

– Все, можете идти, Павел Тарасович, – с едва заметным облегчением сказал Пархоменко. Видимо, он все же опасался, что я что-то такое выкину, увидев доклад, который я якобы сам написал.

Попрощался и покинул кабинет и приемную. Уже когда шел по коридору, вдруг сообразил, почему Пархоменко и секретарша так плохо выглядят – да они же, наверное, не спали и всю ночь готовили эту самую докладную записку! Ну да, он же даже название ее узнал только вечером... А может быть, еще кого-то к подготовке привлекли – вот не могу я поверить, что сам Пархоменко или его секретарша специалисты по таким вопросам. Интересно, кто им дал такое задание? Лично Межуев?

Решил сразу забежать к Марку Анатольевичу. Он мне очень понравился, как начальник, и в целом, по-человечески, и просто молча исчезать из его поля зрения я не хотел, не людски. Но его кабинет был заперт – хоть кто-то в субботу уже ушел с рабочего места.

Ничего, запасной ключ он мне дал, так что я зашел в кабинет, сел за стол, и быстро просмотрел врученный мне Пархоменко доклад на пятнадцати страницах. На титульнике стояли его и моя фамилия. Интересно, так и отправили, без подписей и печати? Моей-то подписи там точно быть не должно... Начал читать.

Ну что же – неплохо, в целом, но мои доклады, конечно, я буду делать иначе. Тут сухая констатация – такие-то новые патенты зарегистрированы, такие-то заводы будут открываться у нас и за границей, и очень условная привязка к экономике. Похоже, не нашлось у них под рукой никого, кто в экономике хоть что-то понимает. Особенно в рыночной.

Вот в чем будет моя фишка и полезность для тех, кто будет мои доклады читать – я буду разьяснять, к чему именно приведет на Западе внедрение той или иной технологии. Чтобы было понятно, что мы потеряем, если проигнорируем работы в этом направлении, решив вместо этого выпустить еще дополнительную тысячу танков. Сколько их всего у нас будет, к концу СССР, больше чем за пятьдесят тысяч, вроде? А потом все девяностые большую часть их мы будем увлеченно резать на металлолом, причем США будут милостиво подкидывать нам на это деньги, тысяч по пять долларов за каждую уничтоженную единицу, да продавать за бесценок в Африку и Азию, любой стране, что пожелает купить... Оптом и в розницу.

Так что сидеть в Верховном Совете в кабинете, изображая бурную деятельность, я не буду. Но положительно повлиять на развитие советской экономки, дай бог, все же смогу. Чтобы после краха СССР наследники его могли быстрее встать с колен, что будут сделать легче, если у них будет больше современных инновационных предприятий, продукция которых будет востребована за рубежом.

Сразу набрал и Межуева. На домашний телефон. Тот быстро снял трубку.

Поздоровался, представился. Сразу перешел к делу:

– Владимир Лазоревич, вам там должны были якобы от меня докладную записку передать, так вот – я к ней не имею никакого отношения. Они ее зачем-то сами, даже меня не уведомив, сделали, а мне копию только что вручили. Я бы и не мог сам ее написать, у меня только в понедельник пропуск в спецхран будет готов.

Межуев хмыкнул, а потом сказал:

– То-то я заметил, что непонятно вообще, есть ли там твоя подпись под всеми этими завитушками пышной подписи Пархоменко и канцелярской печатью... А что, этот доклад так плох, что ты не хочешь быть замешан, как соавтор?

– Да нет, неплох, ошибок там нет, просто он бесполезен. Там почти нет привязки новых технологий к экономике, а я уверен, что, как экономист, именно это в таких докладных записках и должен прописывать. Как можно обосновать значимость той или иной технологии, если нет привязки к экономике, и не указан экономический эффект?

– Ну что же, такой ответственный подход к делу я могу только одобрить, – слова Владимира Лазоревича прозвучали так, словно он улыбался. – Спасибо за информацию, буду иметь в виду, что этот доклад неинформативен. С другой стороны, я так понимаю, что они таким образом хотели извиниться за то, что спутали мои планы на тебя...

Я понял, что Межуев скандалить тоже по этому поводу в Верховном Совете не собирается. Но сам промолчал – не мое дело комментировать его размышления по такому поводу.

Он довольно хмыкнул, видимо, оценив это, и сказал:

– Хорошо, Павел, работай, следующую докладную записку жду через две недели. Передавать их будешь через Пархоменко, но на всякий случай отдавай еще один экземпляр Воронцову Матвеем Федоровичу. Я их буду сверять, а то мало ли, начнут что-то править в силу своего соображения, прежде чем мне передадут.

– Так и сделаю, Владимир Лазоревич, – сказал я.

– Тогда все на этом. Только обязательно учти, что эти доклады впустую пропадать не будут, делай их старательно! Их серьезные люди будут читать!

Слово «серьезные» он произнес с особым значением. Это кто-то же будет мои записки читать? Прозвучало так, что кто-то серьезнее его... Учитывая, как он только что играючи на колени Пархоменко поставил, человека на высокой должности, что это за люди?

– По-иному не умею, Владимир Лазоревич.

Он снова хмыкнул, мы попрощались, и он положил телефон.

Ну что же, разговор прошёл, вроде бы, успешно. Заперев кабинет, я отправился домой.

Зашел только в дверь подъезда, а у нас праздник бушует где-то так наверху, что и внизу слышно. Заглянул домой, жены нет. Пошёл наверх, посмотреть, что там за свадьба. Оказалось, там цыганское новоселье со шведским столом. Гости и хозяева уже весёлые, живые выступления сменяют друг друга. Высмотрел Галию, скромно притулившуюся за столом, и пробрался к ней через танцующих. Она мне быстренько бутербродов положила и стала рассказывать, кто тут есть кто. Но я и сам уже догадался, что цыгане профессионалы, из «Ромэна». Заметил Ивана с Ксюшей, отплясывающих в центре комнаты, Лину с кем-то из артистов. Молодцы соседи, устроили праздник всем.

Когда прервались на перекур, подошёл к хозяевам. Высказал им своё восхищение широтой и размахом праздника и поздравил от всей души с новосельем.

Посидели с женой ещё с час и ушли к себе, Галия утомилась, да и у меня было дел по горло. А подъезд продолжал гулять. Часов в девять вечера выходил с Тузиком, гости переместились во двор и ещё целый час прощались там с хозяевами, всё стихло только часам к десяти вечера.

Москва. Дом Ивлевых. Квартира на восьмом этаже.

Гости разъехались и разошлись, остались только родственники Иды из Брянской области, которые приехали специально на новоселье и хотели задержаться на несколько дней, посмотреть Москву.

– Что это Мишка в соседку нашу вцепился? – спросила Ида, глядя на сестру.

– Ну и что? – ответила та. – Все взрослые люди. Понравился он ей. Ты ж сама видела.

– Ну, зачем это? Мы только вселились, с соседями только знакомимся, – озабоченно проговорила Ида. – Вы уедете, а нам тут жить.

– Да ладно тебе, – возразила ей сестра. – Мишка у меня красавец, ему давно пора в Москву перебираться. Видела, какими глазами эта Лина на него смотрела? Может, он ещё соседом твоим станет.

Только этого не хватало, – подумала с досадой Ида и вышла с кухни.

Подмосковная деревня Коростово.

Уложив вчера детей спать, взрослые устроили совещание по поводу происшествия у магазина. Пришли к выводу, что ругать Родьку нельзя, он ещё слишком молод, не сказать, что наивен, но говорить «нет» не каждый взрослый умеет, что уж с ребёнка взять. Ругать его не стали, но провели серьёзную беседу на эту тему. А парней этих решили найти и наказать. Чтобы неповадно было у малолеток деньги отнимать. Трофим, как старожил поселения, знающий всех соседей, предложил с утра порасспрашивать Родьку об этих парнях. Вчера было бесполезно с ним говорить, он очень расстроился и в конце уже откровенно ревел.

После завтрака Ахмад и Трофим хотели уже взять Родьку и пройтись по домам, где есть старшекласники. Малец нужен был для опознания мошенников. Когда ему сказали об этом, бедный пацан побелел с лица и, чуть дыша, едва стоял на ногах растерянный и перепуганный.

Но, пока они собирались, к дому подошёл чужой парень лет пятнадцати на вид, и робко остановился у калитки. Заметив Родьку, он стал оживленно махать ему рукой, подзывая.

Родька подошёл к калитке, и сразу повеселел. Это оказался тот самый вчерашний парень с магазина, что и завел с ним разговор про деньги. Дружески поздоровавшись, он буднично сунул ему две пятёрки, сказав: «Спасибо большое, пацан, здорово вчера выручил», потрепал его по плечу и ушёл.

Родька вернулся к Ахмаду с Трофимом, удивлённо наблюдавшим за происходящим со стороны, и протянул им деньги на вспотевшей ладошке.

– Ты смотри, вернули, – потрясённо проговорил Ахмад.

– Ну, иди, бабушке Ане отдай, – подтолкнул его к крыльцу Трофим. – Обрадуй всех.

Малый убежал в дом. А мужчины многозначительно переглянулись и молча закурили.

– Это деревня потому что, – сказал Трофим, – тут у нас люди порядочные.

– Что же ты так города не любишь? – улыбнулся Ахмад, – порядочных людей везде много.

Мы все же в СССР живем, а не на Манхэттене!

Воскресенье провели дома. Звонил Сатчану доложить о вчерашнем визите на фабрику. Естественно, ничего что может показаться подозрительным, мы друг другу по телефону не говорили.

– По монтажу новых очистных решили вопрос, – рассказывал я, – нужно будет денег немного выделить на строительство корпуса под них. А насчёт производства, мне хочется с технологом пообщаться. Так-то мне Воздвиженский оборудование показал, вообще, он толковый хозяин, должен тебе сказать, всё оборудование древнее, но ухоженное. Но буду с технологами говорить, чтобы узнать, будет с него еще толк или точно нужно менять. И ещё. Надо будет посмотреть, в каком виде им план спускается. Если там поартикульно расписывается, то фиг мы так слёту, по своему желанию, ассортимент поменяем. Но это всё я тебе позднее скажу.

– Давай, не затягивай, – согласился Сатчан и попрощался.

Заходил Брагин, спрашивал, в какой квартире артисты из «Ромэна» живут. Мол, он поговорил и с отцом, и с родителями Жени, все идею одобрили. Коллектив известный, отзывы только хорошие, да и престиж свадьбе обеспечат высокий. Их вон и по телевизору время от времени показывают! Сегодня отец хочет приехать, договориться с ними.

Спросил его, разговаривал ли он со своей невестой по поводу жизненных трудностей. На что Костян с большим уважением к ней ответил, что она, конечно, ещё очень молодая и настоящей жизни не знает, но она хорошая.

Вот тебе и раз. Интересно, как он это разглядел? Но факт остаётся фактом: я понял, что с этой минуты говорить при нём о Женьке плохо очень чревато. Можем и поссориться...

Глава 3

2. Москва, квартира Ивлевых.

Теперь, что бы ни случилось, вмешиваться нельзя, только, если Костян сам за советом придёт насчёт своей семейной жизни.

– Я рад за тебя, – постарался сказать я как можно искренней.

Может, мы неправильно всё поняли, и из неё выйдет прекрасная жена-соратница, которая за мужа и в огонь, и в воду пойдёт? Не уверен я что-то... Галия все же поработала с людьми по линии комсомола, какой-то опыт имеет, и ей эта Женя совсем не понравилась. Ну ладно, время покажет.

Объяснил ему, как артистов найти, и он ушёл.

А вечером позвонил капитан Румянцев. Прямо домой. Ну, этому я не удивился, КГБ знает все телефоны советских граждан, но то, что он звонит в воскресенье и домой, меня немного напрягло.

– Добрый вечер, Олег Петрович, – настороженно проговорил я. – Чем обязан?

– Мне поручили согласовать с тобой лекцию у нас.

– Опять? – удивился я.

– Не опять, а снова, – нравоучительным тоном поправил он меня. – Лекция по поводу визита Никсона. Польза и последствия для СССР. Сможешь?

– Смогу.

– А ко вторнику сможешь?

– Смогу.

– И завтра текст на согласование привезёшь? – хитро спросил Румянцев.

– А что за спешка? – почувствовал я подвох. Опять яму мне роют? – Визит уже неделю, как закончился.

– Вот, о чём и речь: уже целую неделю! А мы до сих пор не знаем, чем это нам грозит, – хмыкнул он.

– Хорошо. Только завтра с утра у меня экзамен. Во второй половине дня привезу, – пообещал я и попрощался.

И что это всё такое? На слабо меня хотел взять? И время ещё так ограничил. Чтобы текст больше спонтанных мыслей содержал? Чтобы потом с ним психологические изыскания проводить? Или почерк будут анализировать? Типа, я не успею отпечатать до завтра. Ну-ну.

У нас ребята в одной конторе детектор лжи обманули, выпив пару стопариков. А тут заочный анализ. Подумаешь... Налил себе бокальчик вина и сел за доклад.

Как это всё не вовремя. Экзамен завтра, потом на Лубянку доклад на проверку отвезти, потом на Камвольную фабрику с технологом знакомиться.

Но безопасность страны – это важно. Первым делом написал, что все инициативы по разоружению – это хорошо. Но самим США доверять нельзя, для них СССР как был геополитическим конкурентом, так и остался. А в борьбе за мировое господство все средства хороши.

США всё используют как оружие. Нельзя идти им на уступки, с ними, как в той поговорке: дашь пальчик, всю руку откусят. Особо отметил, что, по правам человека, вообще, не надо с ними разговаривать. Имея в виду, что американцы нам это будут в ближайшее время навязывать, а закончится все это Хельсинскими соглашениями в 1975 году, после которых СССР начнут прессовать за нарушения прав человека на основании нами же подписанного соглашения. Сами себя и накажем, таким образом.

Напряжённость в мире нарастает, а если посмотреть, кому это выгодно, то все вопросы отпадут сами собой: за большинством конфликтов на Земле торчат уши американцев. США

шулер, а с шулером по определению невозможно играть честно. Все это понимают, но всегда есть кто-то, кто ведется на их предложения, а получает по лбу в ответ, заметьте, в одиночку.

Закончил доклад, сложил листки в нужном порядке и положил сразу в портфель, чтобы не забыть завтра взять с собой. Теперь вернёмся к нашим баранам, в смысле, к подготовке к экзамену.

С самого утра заехал в библиотеку имени Ленина, получил пропуск в спецхран. Обрастаю корочками, – подумал я, разглядывая его.

Хорошо, всё по пути, приехал на экзамен «История народного хозяйства СССР» вовремя, даже, пробился на сдачу в первой пятёрке. Ответил билет легко и полно. Но преподаватель у нас был очень строгий.

– За ответ на билет могу поставить тебе только четвёрку, – заявил доцент Сивушкин. – На «отлично» надо ответить ещё и на дополнительные вопросы.

– Ну, давайте, попробую ответить, – согласился я, усмехнувшись про себя. Поле чудес, блин. Только Якубовича не хватает. Отличный ответ на билет – это всего лишь четыре? И он, возможно, надеется, что меня дополнительными вопросами сейчас до тройки опустит.

Но, зря я на него бочку мысленно катил. Все дополнительные вопросы были адекватные. Ответил на все, эрудиции хватило, получил свою пятёрку и к половине двенадцатого уже был свободен до следующего экзамена в четверг.

Вышел из аудитории. Меня обступили одногруппники с расспросами, все волнуются. Сивушкин недавно на кафедру пришел, никто ему ничего не сдавал с других курсов, спросить не у кого, как и что. Успокоил их как мог, и отозвал Лёху в сторонку.

– Что у вас с работами для стройотряда? – поинтересовался я. – Нашли что-нибудь?

– Ничего такого, ради чего стоит каникул лишаться, – понуро ответил друг. – Крохи, а не нормальные деньги...

– Буду сегодня на одном предприятии, договорюсь о встрече для тебя с главным инженером, – пообещал я ему. – Позвоню вечером, когда и куда тебе подъехать.

– Спасибо, – обрадовался он.

Потом заехал на Лубянку, через дежурного на входе вызвал капитана Румянцева и вручил ему доклад.

– Хочу уточнить насчёт завтрашней лекции, – сразу приступил к делу я. – Мне по-любому приездать? Или вы позвоните по результатам согласования доклада?

– Позвоню, – отстранённо ответил он, листая мои записки, потом опомнился и протянул мне руку на прощанье.

И что он там высматривал?

Поехал на фабрику на Яузе, предварительно позвонив от метро Воздвиженскому, что буду у него примерно через час.

Он познакомил меня со скромной женщиной лет сорока. Старший технолог фабрики, Леся Алексеевна, в белом халате. Невысокая, светло-русая, средней длины волосы собраны в хвост, всё время держала руки в карманах своего халата. Правой рукой непрерывно перебирала ключи в кармане, слышно было, как они позвякивают. Разнервничалась что-то. Наверное, боится, что новое начальство весь коллектив заменит.

– Леся Алексеевна, давно вы на этой фабрике работаете? – поинтересовался я.

– Как пришла девчонкой после университета, так и работаю, – настороженно ответила она.

– О, вы с Глебом Николаевичем здесь старожилы, – заметил я, – костяк производства. На вас все процессы опираются. Администрацию можно легко заменить, а вот специалистов, да ещё хороших, днём с огнём не сыщешь.

Специально так сказал, чтобы она успокоилась. Но вместо этого, она ещё больше разволновалась.

– Новая метла по-новому метёт, – ответила она, с опаской взглянув на меня. – Директор новый пришёл, сразу главбух уволил, своего привёл.

– Ну, привыкли люди в одной команде работать, – развёл я руками. – Не пропадёт ваш главбух, не переживайте. Его старый директор за собой на новое место потянет, если у них отношения были хорошие.

На этом страхи старшего технолога закончились, сумел ее успокоить, и мы спокойно занялись делом. Во-первых, мы выяснили, как им спускается план. Оказалось, очень удачно спускается: по видам тканей без конкретики.

– Отлично! – обрадовался я. – Внутри каждого вида у вас уже развязаны руки, можете развивать выпуск ходовых позиций.

Очень повезло, что каждая советская женщина или сама шьёт, или к портнихе ходит. К нам присоединилась, типа случайно, Валентина Петровна, председатель профкома. Пригласила старший технолог и двух своих сотрудниц, девчонок недавно после университета, которые молчали, как партизаны на допросе, почему-то меня испугавшись. Махнул на них рукой, слишком молодые, буду взаимодействовать с Лесей Алексеевной. Авось, сами оттают, и начнут принимать участие в наших делах.

Мы вшестером закрылись в кабинете у главного инженера и прошлись по текущему плану. Что выгодно выпускать, что не выгодно, что пользуется спросом, что нет. Женщины откровенно сказали, что ткани из ассортимента фабрики годятся, в лучшем случае, на домашние халаты.

– Дамы, – обратился я к ним в конце концов. – Мы будем пытаться пробить финансирование новых технологических линий. Но, в свете возможного перехода фабрики на хозрасчёт, вы можете инициировать изменения в будущем плане. От каких позиций вам следует отказаться ввиду их нерентабельности?

Они указали мне две позиции, очень трудоёмких, а главное, из-за изношенности оборудования было невозможно их сделать качественно. Но план есть, надо выпускать, вот и гонит фабрика туфту.

Потом мы с ними прикинули, какую ходовую ткань можно было бы выпускать на имеющемся оборудовании, но её нет в плане. По словам Леси Алексеевны, перейти с одного вида ткани на другой технологически не так просто.

Попросил отвести меня на склад готовой продукции. Ходили между рулонами различных тканей. То, что в плане называлось плательной тканью, было удручающего вида. Правильно женщины сказали, только на халаты. И то, я Галие такой бы не купил.

Стоял, стоял, думал, думал.

– Есть технологическая возможность ширину увеличить с девяноста сантиметров до полутора метров? – спросил я Лесю.

– Есть, – пожала она плечами.

– Дамы, скажите мне, – обратился я к своим спутницам и кладовщице, ходившей за нами следом. – Представьте себе, что здесь не эта лабуда на ткани, а простая однотонная ткань, светло-голубая, например. Пойдёт она на постельное бельё?

– Пойдёт, – кивнула Валентина Петровна.

– Но у нас простынной ткани в плане нет, – возразила Леся.

– Пока нет, – многозначительно взглянул я на неё. – В один цвет красить и проще, и быстрее. И продукцию на выходе будем иметь ходовую.

Глаза Леси Алексеевны сверкнули пониманием.

– Короче, – начал я подводить итоги совещания. – Для начала, надо добиться внесения изменений в план. Начать выпускать ходовую продукцию на том оборудовании, что есть. И думать, как модернизировать производство. Глобальной замены всего оборудования сразу вряд ли удастся добиться, вам хоть бы одну новую линию поставить, желательно импортную, –

взглянул я на Воздвиженского. – Начнёте на ней выпускать ходовую качественную продукцию, перейдёте на хозрасчёт и будете копить денежки на следующую линию. Так, глядишь, и всё оборудование постепенно замените. А может, новую линию сразу в новом корпусе разместить? – предложил я, глядя на Воздвиженского. – Сделать новое помещение с запасом, чтобы ещё несколько линий со временем туда воткнуть. Постепенно фабрика в новый корпус переедет. А, Глеб Николаевич?

– Ну, это слишком много согласований надо, один проект года два будут делать, – недовольно скривился он.

– Что тогда? Будете перестраивать под новые линии имеющиеся здания?

– Это быстрее и проще. Да, и может, особо и перестраивать ничего не надо. Посмотреть надо, на это новое оборудование.

– А вы не смотрели ещё?

– Да мы даже не мечтали о нём! – воскликнула эмоционально Леся.

– Ну, давайте, смотрите, выбирайте, – улыбнулся я в ответ. – Ни в чём себе не отказывайте. Подберите всё желаемое оборудование и оформите как справку по несколько вариантов для разных видов тканей: подороже, подешевле, чем они отличаются. А люди, – показал я глазами вверх, – уже посмотрят и решат, на что именно они смогут выбить фонды. Вдруг, вам повезёт, и вам всё сразу закупят, что вы просите.

Потом мы вернулись в кабинет главного инженера и коллективными усилиями переписали план в том виде, в каком хотелось бы его видеть. Новый вариант я забрал себе. На этом мы совещание завершили и я, любезно со всеми попрощавшись, поехал домой. С Воздвиженским договорился, что приеду завтра с командиром студенческого стройотряда из МГУ.

Лубянка.

Капитан Румянцев сидел в кабинете начальника и ждал, пока полковник дочитает рукописный текст доклада, который привёз сегодня Ивлев.

– Какую литературу он брал в спецхране? – наконец спросил он, положив доклад на стол.

– Никакую, Павел Евгеньевич, – ответил Румянцев. – Он пропуск только сегодня получил. В самом хранилище, даже, не был ещё ни разу.

– О как, не торопится, – удивлённо посмотрел на подчинённого полковник. – И что ты обо всём этом думаешь?

– Так-то интересный доклад, и не скажешь, что за вечер написал. Тем более, у него экзамен сегодня был.

– То есть, горячка его с толку не сбивает и на качестве анализа не сказывается.

– Так точно.

– Можно рекомендовать его аналитикам. Не хочет агентом работать на постоянной основе, ладно, надо тогда придумать, как его дополнительно мотивировать на периодическое сотрудничество. Прикинь варианты, посоветуйся ещё с мозголомом. Пусть предложит, что ему может быть интересно.

Добравшись до метро, позвонил Сатчану. Он был ещё на работе.

– Есть новости с Яузы, – сказал я, поздоровавшись.

– Отлично! – обрадовался он. – Подъедешь или я к тебе?

– Давай, лучше ты ко мне. У тебя же рабочий день заканчивается, – попросил я. – Пока доедешь, я уже до дома доберусь.

И пообедать успею. А то в животе урчит.

Мы попрощались, договорившись, что он, перед самым выездом, наберёт мне домой.

Через час двадцать я сидел у него в машине.

– Не знаю, хватит ли вашего ресурса на такой подвиг, – поздоровался я с ним и протянул откорректированный план, который мы составили в виде таблицы с двумя вариантами цифровых значений: «есть» и «надо».

– Что это?

– Это план, спущенный из министерства, – пояснил я. – Перед тем, как перейти на хозрасчёт, нужно добиться изменений в планы на будущее.

– А, я понял, – взял он у меня таблицу. – А по реконструкции и оборудованию что?

– Обсуждали сегодня, как раз, этот вопрос с технологом и главным инженером. Попросил их составить список всего, что требует замены. Они, даже не рассматривали вариант с заменой производственных линий и не были готовы к разговору. Они подготовят свои предложения, а вы уже прикинете, что из этого можете себе позволить.

– Что ещё? – вопросительно взглянул на меня Сатчан.

– Работы там будет много, – честно ответил я. – Но не всё сразу. Главное, людей там заинтересовать, и они сами всё сделают. Там что главный инженер, что старший технолог много лет на фабрике, всё про неё знают. И в работе заинтересованы. Такие кадры беречь надо.

– Это хорошо, что заинтересованы, будем беречь, – улыбнулся он. – С очистными что?

– У Воздвиженского проблема с людьми. Была. Организую сейчас своих парней из МГУ поработать в стройотряде на фабрике. Завтра командира стройотряда буду с Воздвиженским знакомить. Территорию под новый корпус наши парни ему расчистят, фундамент залиют. Глеб Николаевич, оказывается, сам инженер-строитель, будет направлять молодёжь и контролировать.

– Это вы здорово придумали!

– Да, и парни мои заработают за лето, и монтаж очистных с мёртвой точки сдвинется.

– Ну, молодцы.

– Вы, главное, с оплатой студентам вопрос порешайте. Потому, что Воздвиженскому на демонтаж старых помещений средства не выделялись. А только на строительство нового корпуса.

– Не бойсь за своих, – ткнул он меня с улыбкой в плечо кулаком. – Не обидим студентов.

– Ловлю на слове, – улыбнулся я, попрощался и вылез из машины.

Позвонил сразу Лёхе, когда домой вернулся. Договорились встретиться с ним завтра в одиннадцать в метро.

Только положил трубку, телефон зазвонил. Думал, Лёха что-то уточнить решил, а это оказался капитан Румянцев с Лубянки.

– Павел Тарасович? – спросил он на мое «Алле» явно для проформы, потому что, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ждём вас завтра без пятнадцати четыре. Ваш доклад согласован.

– Хорошо, буду, – ответил я, а он быстро свернул разговор, попрощался и положил трубку, не дождавшись от меня ответа.

Глава 4

г. Москва, квартира Ивлевых.

Во вторник с самого утра позвонил Василий, автомеханик с приборостроительного завода. И пригласил заехать к нему, как будет время.

– Судя по голосу, у тебя всё получилось? – с надеждой спросил я.

– Приезжай, сам посмотри, – ответил он, весьма довольный собой. Это радует. Договорились, что заеду к нему сегодня, если успею. Если нет, завтра буду прямо с утра.

Около одиннадцати встретились в метро с Лёхой и я повёл его на фабрику.

– Запоминай дорогу, – сказал я ему. – Дальше сам будешь с главным инженером взаимодействовать.

– А ты все же не сможешь с нами поработать?

– А у меня другая работа есть. Мне придется летом лекции читать по городам и весям Подмосковья.

Лёха уважительно посмотрел на меня.

– Ты говорил как-то, что какому-то другу из Брянска в Москву перевестись помогаешь, – заговорил он вдруг.

– Есть такое дело, – взглянул я на него вопросительно.

– Свету надо в Москву переводить, – смущаясь, объяснил он. – Мы твердо решили уже, что тоже пожениться хотим. Как вы с Галией. Чего тянуть-то? И смысл нам тогда отдельно жить? И мама со мной согласна...

– О, здорово! – воскликнул я, про планы пожениться я уже знал, но раньше они не были настолько определёнными. – Это я про Мишу Кузнецова рассказывал. Он, кстати, наш со Светой одноклассник, она его знает. Он сейчас будет переводится в МИИТ. Пусть Света к нему подойдёт, всё узнает и с ним вместе переводится. Я Мишке всё подробно написал. Я так понял, после первого курса там полно студентов отчисляют, много балбесов не туда поступило, так что места должны быть. Да им и легче будет вместе учиться...

– Спасибо, – оживился Лёха.

– Когда свадьба-то?

– Вот, денег заработаю и сразу женюсь, – улыбнулся Лёха.

Вскоре мы уже ходили по территории фабрики в сопровождении Воздвиженского. Намекнул ему, что оплата работы студентов согласована с райкомом и чтобы он не стеснялся, и обращался к ним за финансированием.

– Начальство, в первую очередь, заинтересовано в том, чтобы вопрос с очистными сооружениями был решён как можно скорее, – многозначительно посмотрел я на него.

Глеб Николаевич с энтузиазмом начал показывать Лёхе, что нужно будет сделать. Я молча ходил за ними, не вмешиваясь. Лёха пару раз оглянулся на меня, вопросительно глядя, но, наткнувшись на мою хитрую улыбку, вздохнул и начал сам расспрашивать Воздвиженского об оплате и условиях работы. Основные вопросы он сам решил, и, на удивление, довольно уверенно разговаривал. Периодически поглядывал на меня, и я одобрительно кивал головой, чтобы его подбодрить. Единственное, что пришлось подсказать ему, чтобы сразу договорились, где ребята будут переодеваться, мыться после работы и обедать. В предыдущие разы мы с заказчиками не вышли на конкретные договоренности и не было смысла это обсуждать.

Воздвиженский был очень доволен, пока ходили по территории, у него ещё несколько идей родилось, где наш стройотряд можно использовать по мелочи. Думаю, если ребята себя хорошо проявят, он им и ещё работу найдёт. А уж если переоборудование производства начнётся, там работы будет немерено, можно весь год по выходным или вечерами подрабатывать. Но при главном инженере я Лёхе это говорить не стал. Успею ещё.

Они вдвоём остались обсуждать конкретные рабочие моменты, дату начала работы, оформление пропусков к этому моменту. А я попрощался с ними и поехал на Лубянку.

Прибыл, даже, немного раньше. Капитан Румянцев одобрительно посмотрел на меня, пожимая руку при встрече.

– Сильно доклад доработали? – поинтересовался я. – Мне бы прочитать, что получилось, перед выступлением.

– Время есть, успеешь. – ответил он, привёл меня в свой кабинет и положил передо мной отпечатанные листы. Пробежался по тексту: ну, добавили несколько фраз о направляющей роли компартии в начале и конце доклада, а по сути всё осталось в моём варианте. Это радует.

Без пяти четыре пошли с Румянцевым в актовый зал. Опять всех сотрудников заставили надеть марлевые повязки. Опять я зачитал по бумажке согласованный текст.

– У меня всё, товарищи. Пожалуйста, вопросы? – посмотрел я в зал.

– А как вы считаете, искренен ли американский президент в отношении разрядки с СССР? – тут же спросили меня с первого ряда.

– Любой американский президент является выразителем интересов элит, которые контролируют американское государство и отстаивают национальные интересы США. Другого человека просто на эту позицию не допустят. Ясное дело, те, кто контролирует американские богатства, живут очень хорошо, и не хотят умереть в ядерном взрыве. Так что в этом плане можно рассчитывать на его искренность. Но она базируется сугубо на понимании американской элитой силы и мощи СССР. Это то, что они уважают. Язык силы – единственный язык, который они понимают. Горе той стране, которая не может им противопоставить такие козыри, что есть у СССР, но вызывает у них раздражение.

– А выгодно ли нам идти Никсону навстречу? По вашему докладу следует, что да, но нельзя ли уточнить, почему именно?

Этот с залысиной и глазами, как у рыбы, уже второй вопрос мне задаёт, достаточно бесцеремонно. И все, терпят, главное. Кто он такой, интересно?

– Разрядка означает для СССР возможность меньше расходовать на военные нужды, и больше в интересах людей. Наше население стремительно растёт, нуждаясь в большем количестве квартир, легковых машин, мебели, да и в той же колбасе, в конце концов. Наши, советские, люди – главный приоритет для нас, я думаю, тут со мной все согласятся по этому моменту. Так что да – никаких иллюзий, что США станут для нас менее опасны, иметь нельзя, но и передышка в гонке вооружений нам не помешает, чтобы лучше удовлетворить нужды населения.

Следующий вопрос задал самый, пожалуй, возрастной человек в зале, по внешнему виду лет так за пятьдесят пять:

– А почему вы так против любых переговоров по правам человека? Настолько все серьезно, вы считаете?

– Американцы стремятся доминировать во всем. И для этого используют стратегию, хм... можно назвать ее «стратегией работы по секторам». Также, как артиллерия работает на поле боя – не бьет куда попало, а стремится нанести наибольший ущерб в самых уязвимых местах противника. Риторика в области прав человека – одно из главных средств американцев на мировой арене против их противников с другой идеологией. Они в этом очень сильны. Неудивительно, если учесть, что все крупнейшие мировые СМИ, помимо советских и китайских, находятся под полным контролем американцев. И у них в области прав человека, и обвинительной риторики, огромный опыт. Надо ли нам сотрудничать с ними в этой области, принимая хотя бы часть тех правил игры, что они хотят нам навязать? Все равно же обманут, и не будут соблюдать никакие договорённости в этой сфере. Это не противостояние в сфере ядерного оружия, тут у них намного более сильные позиции, чем у нас. Тем более, что советские и китайские СМИ уже давно работают не рука об руку, и США это тоже будут использовать.

Услышав про китайцев, тут же возбудился другой мужик в возрасте, сидевший рядом с тем. Небось, подумал я, услышав его вопрос, какой-то доклад готовит по китайцам, а тут я что-то, возможно, смогу ему подсказать:

– И как США будут использовать китайцев против нас, вы считаете?

– Их главная задача – всячески возбуждать вражду между нами. Они уверены, и правильно, с моей точки зрения, что то, что две крупнейшие социалистические страны враждуют, очень сильно бьет по престижу социалистической идеологии в целом. Их мечта усугубить ситуацию, вплоть до вооруженных столкновений между нами. Чтобы этого достичь, они будут всячески обхаивать Китай, вплоть до предоставления полного доступа китайских товаров на свой рынок. В ответ будут требовать возможности работы крупных американских корпораций на рынке Китая. Это логично – там очень дешевая рабочая сила и выгодное географическое положение. Ну и логично для них, что, чтобы наладить связи с Пекином, будут использоваться наработанные связи в китайских диаспорах в капиталистических странах – от Сингапура и Индонезии до собственно мощной китайской диаспоры в самих США.

Наконец, после еще девяти вопросов, меня отпустили. Капитан Румянцев проводил меня на первый этаж. И как-то даже уважительно пожал мне руку на прощание.

Правда, этим все и ограничилось. По линии «Знания» меня в этот раз не оформляли, так что даже десятки не будет. Ладно, переживу. Не та организация, чтобы права качать. Даже рассмеялся, представив, как оторопел бы, если бы Румянцев стал бы мне вдруг какой-то пакет с собой совать. Тут тебе не «Дары природы». Тут вам не там!

Лубянка.

Капитан Румянцев поднялся к себе в кабинет, проводив Ивлева до выхода. У кабинета его уже ждал психолог.

– Ну, что скажите, Денис Дмитриевич? – обратился к нему капитан, отпирая дверь своего кабинета.

– Ну, не знаю... Для чего конкретно он вам нужен? – спросил Левин, проходя за капитаном в кабинет.

– Воронин не хочет его из рук выпускать. Говорит, пусть, хоть, на аналитиков работает. Да вы же сами видели, как бойко он чешет по всем вопросам, что ни спроси...

– Не только бойко, но, видимо, и разбирается хорошо, я так понимаю? Это, все же, не моя сфера интересов...

– Поверьте, так оно и есть. Очень грамотный дает расклад. Неожиданный по каким-то моментам даже, что особенно ценно. Мы же должны любые точки зрения учитывать в своей работе.

– Да уж. Тогда, конечно, отпускать его не хочется, – согласился подполковник. – Но, кстати, насчёт аналитиков: а вы не пробовали, просто, предложить ему на благо Родины поработать? Он зрелый человек, мишурой зарубежной его не соблазнить, живёт по принципу «где родился, там и пригодился».

– Вы же сами в отчёте писали: «прагматичен и расчётлив». Нафига ему на нас работать, если ему и так неплохо? Чем мне его замотивировать? Он же может вместо толкового начать всякую фигню писать, чтобы мы отцепились поскорее. А фигня нам ни к чему, сами понимаете...

– Ну, предложи ему что-нибудь полезное для семьи. Там же в материалах написано, что он отказался ехать на учебу за рубеж, потому что жена беременна. Вот они и его ценности, его уязвимое место – семья.

– Например?

– Путёвку в Ялту предложи за счёт профсоюза, – потянулся за печеньем на подоконнике за шторой подполковник, – для всей семьи. Со временем, если докажет свою ценность, еще

что-нибудь подкиньте, что нам ничего стоять не будет, а ему полезным окажется. Участок под дачу, машину без очереди, гаражный кооператив какой. Парень хозяйственный, оценит.

– Ладно, спасибо, Денис Дмитриевич. Пойду к Воронину докладывать.

Румянцев проводил психолога из кабинета и вернулся к себе. Ну, что-то уже становится ясно. Семья, значит, на первом месте. Как оформить нужную путевку, он прекрасно знал. Были способы. Да даже через тот же профсоюз Верховного Совета через наших людей можно аккредитивно оформить, чтоб никто в Верховном Совете и не знал, что она вообще была туда выделена. Главное Ивлеву сказать, чтобы не трепался. Ну, он точно не тупой, должен понять, что это в его интересах...

До конца рабочего дня остался всего час, пока обещанный магарыч куплю, пока доберусь до приборостроительного завода, Василий уже домой свалит. Поеду к нему завтра, поговорим с ним без спешки и горячки.

Поехал домой. От метро к дому шёл на некотором расстоянии за артистом из «Ромэна», который на Лину глаз положил. У них, похоже, всё сложилось, он шёл с цветами и с какой-то коробкой. Когда я вошёл в подъезд, он уже успел уехать на лифте. Я ещё сомневался, вдруг, он на восьмой этаж поедет, к своим коллегам из театра. Но нет, на шестом вышел. Слышал, как Лина радостно взвизгнула, открыв дверь. Ну, дай-то бог. Главное, чтобы она хоть с ним поладила. До сих пор не могу понять, как она могла упустить Ивана и Гришу. Все же у мужиков есть при себе, оба основательные и серьёзные.

Жены ещё дома не было. Вторник, она на работе. Взялся за ужин. Тут зашёл Брагин. Впустил его и вернулся к плите.

– Слушай, я же не москвич, – смущаясь, начал он.

– Как не москвич? Уже москвич, – улыбнулся я.

– А где ты обручальные кольца покупал? – спросил он с любопытством, наблюдая, как я отваренные уже пельмени вылавливаю из кипятка шумовкой и выкладываю на сковороду обжаривать на сливочном масле, пока они не разварились. Пельмени из натурального мяса, натуральное масло, тесто такое же, без семи добавок «Е» – ммм, вкуснятина.

– В ГУМе, – ответил я. – Там хорошая ювелирная секция. Лучше вдвоём сразу ехать. Кольца мерить надо... Ты что, голодный?

– Нет, с чего ты взял?

– Ну, ты так смотришь на пельмени.

– А, интересно просто. Первый раз вижу жареные пельмени.

– Учись, пригодится, – улыбнулся я и положил ему полную шумовку пельменей на пробу.

– Здорово, – стрескал он их стоя, торопливо жуя.

– Вкусно-оо! Спасибо! Побегу, а то Женя ждёт.

Москва, ГУМ.

Женя оглядывалась по сторонам. Конец рабочего дня, в магазине толпы народа. Хорошо, Костя у друга узнал, куда надо идти, на какой этаж, а то они до ночи тут эту ювелирную секцию искали бы.

Не привыкла она в таких толпах толкаться. Мама обычно ей прямо домой все приносила померять, если что купить надо. Что не подходило, возвращала на какую-то «базу».

К прилавкам, сначала, надо было протолкнуться. А потом выяснилось, что там совсем не обручальные кольца выставлены. Когда они их, наконец, нашли, Женя уже порядком устала. Но выяснилось, что нужно сначала кольца выписать у продавца, потом оплатить в кассе, а только потом подойти с чеком получить.

– Жень, мне друг советовал, – начал Костя, – одному из нас встать в очередь выписывать кольца, а второму в кассу. Пока выпишем, уже и очередь в кассу подойдёт. Давай, я в кассу пойду встану?

– А ты не будешь кольцо мерить? – удивлённо посмотрела на него Женя.

– Да, надо бы. А давай, ты мне своё колечко оставишь, а сама в кассу пойдёшь. Я такое же и куплю по размеру.

– Я сама выбрать кольцо хочу, – нахмурилась она в ответ на такое предложение. – Нет уж, стой, рядом.

– Я теперь всё время рядом буду, – стоя прямо за ней, Костя обнял её за талию.

Женя положила сверху на его ладони свои руки.

Рядом захныкал ребёнок у отца на руках. Девочка была ещё маленькая, устала, тёрла глазки и капризничала.

Как там моя бабушка говорила? – начала вспоминать Женя, глядя на девчущку. А вспомнив, сказала:

– Это что тут за рёв? Уж не стадо ли коров?

Малая, застеснялась, спрятала лицо в рубашке отца и поглядывала краешком глаза на Женю, а та, почувствовав, как крепче прижал её Костя, продолжала, строя ей смешные рожицы:

– Это не коровушка, а малышка-рёвушка. Ты малышка не плачь, я куплю тебе калач.

Так, с шутками и прибаутками, дождались своей очереди кольца выбирать. Костя налюбоваться на невесту не мог. Выбрали кольца и пошли в кассу очередь занимать. Только встали в очередь, Костя сразу притянул к себе невесту. Довольная Женя улыбалась ему, почувствовав свою власть над парнем. И это у них еще даже до постели не дошло!

Поужинали с женой, расспросил у неё, как на работе дела.

– Этот зек из соседнего подъезда, – напряжённо начала рассказывать она, – сегодня шёл за нами в метро от самого перехода на Новокузнецкой. И ехал с нами в одном вагоне.

– Не хочу тебя пугать, – смеясь, сказал я, – но он шёл за вами от самого завода.

– Как?!

– Да вот так. Я помог ему устроиться на ЗИЛ.

– Да ну тебя! – махнула она на меня рукой. – Мог бы и предупредить. А то мы с Ксюшей, как две дуры, всю дорогу шли и оглядывались.

Она вымыла посуду и усвистела к соседям. Вот, они мне там сейчас косточки перемоют, как следует.

Только разложил учебники и конспекты, хотел к следующему экзамену слабые места закрепить, как позвонил капитан Башагин-Баранов.

– Дома будешь? – спросил он с ходу. – Заеду?

– Давай, жду, – ответил я.

Что-то мне его голос не нравится. Расстроен чем-то сильно. Что там, интересно, с этими велосипедами?

Он приехал минут через сорок, Галия ещё не вернулась от соседей.

– Ну, рассказывай, – с нетерпением потребовал я, усаживая его ужинать.

– Да, что рассказывать? – понуро ковырялся он вилкой в пельменях. – Завод большой, думал, дело будет громкое. А тут...

– Что?

– А-аа, – разочарованно махнул он рукой. – Моё начальство на их сторону, в итоге, встало. Сначала, вроде, давай-давай, работай. А потом, вдруг, стоп, так надо было. Представляешь?

– Да что надо-то было?

– С планом мухлевать.

– Ага, всё-таки, мухлѣж с планом был. Значит, мы правильно их вычислили, Вася! – радостно постучал я по столу. – Это главное. А всё остальное фигня.

– Не фигня. Так бы у меня раскрытие было. А теперь что?

– Зря ты так. Все твои знают, что дело это ты раскрутил. И начальство, и коллеги. И то, что послушал своё руководство и заднюю дал, не создавая никому проблем, поверь, тоже, кому надо, заметили и оценили. У начальства к тебе теперь доверия будет больше. Сегодня ты им помог, завтра они тебе помогут.

– Да что я им помог... Подполковник наш с их директором как начали мне выговаривать, что я усердный не там, где надо, мол, да, завысили они отгрузку, но они же не для себя старались, а для трудящихся, премию им выполнением плана обеспечивали. Коллектив завода не виноват, что материалы не подвозят в срок и запчастей на оборудование нет, месяцами ждать приходится и простаивать. У рабочих завода, между прочим, семьи и все кушать хотят. Я, короче, ещё и виноват остался.

– Так. Слушай сюда. Ты ни в чём не виноват, а это простейшая манипуляция, – поспешил я успокоить его. – Вызвать в тебе чувство вины, чтобы впредь тебе неприятно было об этом деле не то, что говорить, а даже, вспоминать. Им так спокойнее, когда они думают, что ты не будешь об этом на каждом углу болтать. А главное, испытывая чувство вины, ты не придёшь за ответной услугой. А услугу ты им обоим сегодня оказал.

– И что мне делать? – с тоской взглянул на меня Вася.

– Ничего. Тебе открытым текстом велели забыть об этом деле. Но в следующий раз, с глазу на глаз со своим подполковником, когда будешь докладывать ему о результатах очередного расследования, спроси: что делаем, даём делу ход или как с велосипедами? Поверь, он поймет, что ты его хитрость раскусил, и зауважает. А когда руководитель тебя уважает, то и с премией все хорошо, и следующее звание без проблем получишь.

Вася рассмеялся. Его отпустило. Да уж, непросто лавировать между своими и чужими интересами. Этому тоже учиться надо.

– Но как, – спросил он, отсмеявшись. – Как ты умудряешься такие вещи понимать? Удивляюсь я тебе, Пашка! Ох, далеко ты пойдешь!

– Вашими молитвами, – отшутился я.

Вася шутку принял.

– Ага, – сказал он. – Возьму батин барабан, палочки, да как начну за тебя молиться, как у него в племени принято! Аж соседи из окон повыпрыгивают от ужаса.

– Врешь, небось, что у тебя настоящий африканский ритуальный барабан есть.

– Вру, конечно, – легко согласился он, – нет такого. Думаю, это последнее, что батя хотел с собой взять, собираясь на учебу в Москву по линии компартии...

Вскоре вернулась Галия и Вася свернул визит и засобирился.

– Спасибо за хлеб-соль, – улыбаясь, подал он мне руку на прощанье и ушёл.

Остаток вечера готовился к экзамену.

Глава 5

г. Москва, квартира Ивлевых.

В среду с самого утра позвонил Карнабеде на завод, договорился с ним, что подъеду в течении часа. Измерил изнутри сторону чемодана, к которой буду колёса крепить. Выбрал из своих стратегических запасов бутылку коньяка и попросил Галию выделить мне чего-нибудь дефицитного в довесок. Получился вполне приличный подарочный набор.

Василий даже не взглянул в сумку, что я ему вручил, а сразу начал с горящими глазами демонстрировать мне то, что у него получилось. Как я и предполагал, самым трудоёмким оказалось сделать хомутики с сердечником, которые фиксировали трубы одна в другой. Карнабеда вручную доводил их до ума. Их пришлось варить из двух видов материала, полоски и толстой проволоки, потом зачищать напильны. А сама конструкция простейшая, никаких трудностей не вызвала.

Поблагодарил Василия от всей души и попросил вырезать мне площадку, дно чемодана укрепить. На неё я буду собирать всю эту конструкцию, включая колёса. Он быстро вырезал мне прямоугольник из листа и зачистил края.

– Ну, поехал собирать, – подал я ему руку на прощанье. – Если всё получится, закажу ещё один комплект.

– Давай, – рассмеялся он.

Заехал домой, оставил ручку и набрал соседку Анну Аркадьевну на работу. Спросил, не будет ли она так любезна, принести мне колёсиков разных, желательно, самоориентирующихся. По одному, я прикину, какие колёса мне подойдут, остальные верну, а подходящих закажу восемь, нет двенадцать штук.

Она не стала спрашивать, куда мне столько, только игриво намекнула, что Анжелику она уже давно прочитала. Ну, ничего страшного, книги Сатчан мне регулярно подвозит. Чего только у меня уже нет на подарки...

Положив трубку, собрался съездить в спецхран, опробовать пропуск. Пора начать подбор научной литературы, выполнять же поручение Межуева надо. Пусть на каждый отчёт мне даётся две недели, но надо хоть вначале разобраться, как этот спецхран работает. Да и в целом, нечего такое важное дело откладывать на последний момент. Межуев должен быть доволен моей работой, тогда я и дальше смогу работать в Верховном Совете. Учитывая, что жену к Кремлёвской больнице так вовремя прикрепили, а потом и малыша туда же прикрепят, одно это стоит, чтобы ценить эту работу...

Когда на входе в библиотеку спросил одну из сотрудниц, как попасть в спецхран, то был смирен женщиной-библиотекарем изумленным взглядом.

– Молодой человек, какой вам спецхран? – спросила она меня, – туда студентов не пускает. Вам в общий зал нужно.

– Я не как студент здесь, – протянул я ей корочки референта Верховного Совета.

Изучала она их долго, и изумление никуда с лица библиотекарши не пропало. Но корочки есть корочки – повела она меня в нужный зал. Дальше уже изумлялся милиционер, который сидел там на входе. Но все же внутрь я попал.

Ходить по хранилищу и искать источники мне никто не позволил, мол, давайте конкретное название книги, журнала или газеты, тогда и принесём. Работать с полученной литературой можно только в читальном зале, ну, это я ещё могу понять. А вот как мне запросить то, не зная, что?

– Дайте, хотя бы, каталог ваших запасов на русском языке и английском, – попросил я строгую на вид сотрудницу.

Стройная женщина, выше среднего роста, с гордой осанкой, с короткой стрижкой, в строгом костюме занялась мною.

– Можно ваше удостоверение? – строго попросила она. Я дал, конечно, удивляясь тому, как она, думает, я без него мог бы пройти мимо милиционера? Внимательно рассмотрела его, сверилась с фотографией. Наконец, признав, что я нахожусь здесь на законных основаниях, приступила к работе:

– Павел Тарасович, какая литература вам нужна?

– Если бы я знал, – честно ответил я. – Как вас зовут?

– Галина Сергеевна, – представилась она.

– Очень приятно. Галина Сергеевна, мне поручено раз в две недели готовить доклад по новинкам науки и техники, как нашей, так и зарубежной. Со временем, уверен, я определюсь со списком достойной периодики на русском и английском языках, которую стоит анализировать в первую очередь. Но пока что я буду работать со всем подряд, чтобы найти наиболее толковые журналы. Если бы вы показали мне каталог, то дело пошло бы быстрее.

– Хорошо, я так поняла, художественная литература вас не интересует?

– Правильно. В данный момент только научная и техническая. А в будущем посмотрим.

Она кивнула и отошла к коллеге, взяла у неё большой талмуд, напечатанный не очень четким шрифтом, и мы начали его вместе изучать. Первым делом мы с ней выделили наиболее часто выходящие издания, их я буду просматривать в первую очередь, так как они, по идее, будут содержать наиболее актуальную информацию. И постепенно буду знакомиться со всем имеющимися у них специализированным фондом. Потом можно будет просматривать только новые поступления за две недели из достаточно широкого списка периодики. Но сейчас я решил просмотреть, хотя бы, самые важные периодические издания за последний год-два, сколько успею.

Важность иностранных журналов легко определить по названию. Все журналы, в названии которых есть слово Гарвард, Кембридж, Стэнфорд и т.д., звучные и знакомые, я смело могу считать важными. В них точно о самом полезном уже написали.

Она кивнула и ушла. Сама будет меня обслуживать? Пока ждал, думал, что спецхран спецхраном, но и в основных фондах может быть интересная периодика. Надо будет и туда сходить. Вскоре Галина Сергеевна принесла мне две стопки иностранных журналов. Английский подзабыл, но быстро втянулся. Правда, пришлось, всё же, англо-русский словарь попросить. Нашёл несколько интересных изобретений за прошедшие годы: жидкокристаллические индикаторы, консервация почки человека для пересадки, магнитоэнцефалограмма, оптоволокно, электронный набор книг, эндопротез суставов и конечностей силиконовый. И по мелочи: наручные часы электронные кварцевые, калькулятор карманный.

Решил, что отдельно выделю в докладе организацию единой телефонной службы спасения, которая появилась в штате Алабама, США в 1968 году, знаменитый номер 911. А то советская система хуже. Попробуй в стрессовой ситуации вспомнить, какой именно номер тебе сейчас нужен, 01, 02, 03? Человека в опасной ситуации так может заклинить, что он все перепутает. Гораздо разумнее иметь единый номер для всех экстренных служб. Опытный диспетчер легко разберется, что именно нужно для того, кто просит о помощи.

Заинтересовал меня и микроскопический радиоприёмник в наушниках для синхрперевода, или для работы спецслужб. Вот уже когда он был изобретен, оказывается...

Также меня заинтересовала статья о нашем Кулибине из Омска. Некто А.А. Горохов ещё в 1968 году описал персональный компьютер, но на промышленный образец денег ему не выделили.

Надо, хотя бы, раз в неделю в библиотеке полдня проводить. Много интересного можно нарыть.

Для первого доклада уже хватит. Но я ещё обязательно приду. Сдал журналы Галине Сергеевне и попрощался. Надо ей презент, что ли, какой-нибудь принести в следующий раз. Здорово мне помогла сегодня.

Вернувшись домой, застал у нас Анну Аркадьевну. Они с Галией любезничали у нас на кухне. На углу стола на газете лежало несколько образцов колёс, и только один образец самоориентирующийся.

– Добрый вечер, – улыбнулся я, беря его в руки. – Вот, этих, пожалуй, попрошу у вас двенадцать штук. А хотя, зачем мне столько?

В голову пришла идея облегчить конструкцию. Со стороны ручки у меня будет два колеса, чтобы чемодан, собственно, катить за собой. А на противоположной стороне, для устойчивости, достаточно одного колеса посередине. И вся конструкция легче будет, и себестоимость меньше, если говорить о серийном выпуске в будущем.

– Девять колёс хватит, Анна Аркадьевна, – проговорил я.

– Что ты задумал? – с любопытством спросила жена.

– Вот, сделаю, тогда и увидишь, – поцеловал я её в макушку и пошёл за книгой.

Довольная соседка забрала все свои колёса и поспешила откланяться, сжимая новую книгу под мышкой. Дюма сам себя не прочитает, – улыбаясь, подумал я, закрывая за ней дверь. – И экзамен завтра сам себя не сдаст.

Пужинав, сел готовился. Но не прозанимался и часа, как зазвонил телефон. Капитан Румянцев пригласил завтра на беседу. Что им всё от меня надо? Неужели, вчера прокололся на чём-то? Вроде, специально, сам себя проверял, каждое слово продумывал. Говорил специально медленно, чтобы успеть обдумать сказанное.

– У меня экзамен завтра, – ответил я. – Не знаю, когда смогу приехать.

– Ну, как освободишься, так и приезжай, – согласился Румянцев и попрощался до завтра.

Что это он такой покладистый? Хотя, похоже, это как раз позитивный знак. Раз никуда не торопятся, похоже, ничего лишнего я не ляпнул. Надеюсь только, что не решили в очередной раз зря тратить мое время, убеждая в сексоты идти.

Ладно, нет смысла сидеть и переживать. Завтра всё узнаю, – решил я и продолжил готовиться к завтрашнему экзамену.

Москва. Квартира прокурора Томилина.

Константин с отцом приехал в гости к невесте и её родителям. Вроде как, обсудить дела, а на самом деле, Косте очень хотелось поскорее увидеть Женечку.

Родители заседали в гостиной, а он сбежал в комнату к невесте. Но не успел он перекинуться с ней и парой слов, как будущий тесть открыл к ним дверь.

– Молодёжь, мы, вообще-то, ваше ближайшее будущее обсуждаем, – с недоумением посмотрел он на них. – Не хотите присоединиться? – спросил он тоном, не терпящим возражений.

– Вот, не даёт детям помиловаться, – улыбаясь, заметила Марина Геннадьевна, с удовольствием наблюдая, что молодые проявляют друг к другу всё больше и больше интереса и симпатии.

Косте с Женей пришлось занять место за столом рядом с родителями. Речь шла о совместном подарке от родителей на свадьбу. И раньше что-то говорили, что хорошо бы после свадьбы съездить куда-нибудь в отпуск. Но Костя не думал, что они это настолько серьёзно.

– Заграничные паспорта уже готовы, – доложил Брагин-старший. – Выездные визы тоже сделал. Надо будет вылететь в Одессу заранее. Свадьба двадцать четвёртого, двадцать шестого нужно стартовать, чтобы на теплоход точно не опоздать.

– Куда стартовать? – переключил наконец своё внимание с Жени на разговор Костя.

– В круиз по морю в Европу, – счастливо улыбаясь, ответила ему Женечка. – Из Одессы по Чёрному и Средиземному морям поплывем.

– С заходом в порты Турции, Египта, Сирии, Ливии, Греции, Италии и Франции, – радостно дополнила программу круиза ее мать. Так четко, что казалось, уже наизусть заучила.

– Какой круиз? – с недоумением посмотрел на присутствующих Костя. – У меня стройотряд начинается сразу после сессии. Мы классный объект нашли. Нам за месяц работы по шестьсот рублей заплатить обещали. Мы с Женей полгода жить на них сможем.

Женечка растерянно переглядывалась с матерью. Брагин-старший сделал вид, что закашлялся.

– Вот, это я понимаю – ответственный подход к семейной жизни, – неожиданно встал прокурор и протянул Косте руку. – Всё правильно, сынок. Сделал дело, гуляй смело.

– А как же круиз? – робко спросила Женя.

– Потом поедете, в августе, – как о само собой разумеющемся ответил Томилин.

Женечка надула губки и отвернулась от Константина.

Чуть позднее, когда отцы вышли на балкон покурить, а будущая тёща куда-то отлучилась, Костя попытался приобнять невесту за плечи, сидя рядом, но она обиженно дёрнула плечом.

– Жень, ну ты чего? – зашептал он ей. – Ну, мы же с тобой говорили: надо рассчитывать только на себя. Если я откажусь сейчас от стройотряда, меня следующий раз не пригласят.

– Ну, и не надо, – воскликнула невеста, не поворачиваясь.

– Это ты на одну стипендию никогда не жила, – возразил он ей. – Ты, кстати, хорошо учишься? Стипендию получаешь?

Женя резко повернулась и ошарашено посмотрела на него.

– Зачем тебе моя стипендия? – спросила она.

– Всё какие-то деньги, – пожал он плечами. – Просто, пытаюсь понять, на какую сумму в месяц мы с тобой жить будем.

– Я не получаю стипендию, – опять отвернулась она и скрестила на груди руки. – Мне оценок на стипендию не хватило.

– Плохо, – задумчиво проговорил Костя. – Как ни крути, не могу я в круиз ехать, сама видишь. А то будем на одну мою стипендию с тобой жить. На тридцать пять рублей.

Женя ничего не ответила, только хмыкнула возмущённо и обиженно.

Вернулись отцы за стол.

– Ну что, молодёжь, носы повесила? – спросил Брагин-старший. – Завтра поедем покупать вам ещё один свадебный подарок.

– Какой? – тут же оживилась Женя.

– Завтра увидишь, – тормознул её отец.

Решил не сидеть ночь перед экзаменом за конспектом, а наоборот, лечь спать пораньше. Какой смысл себя насиловать? Важнее хорошо соображать на экзамене. Чтобы цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина и материалов последнего съезда КПСС всплывали в голове уверенно. Я из них такое словесное кружево могу соткать, что преподаватели плывут просто от изумления. Взял Тузика и пошёл гулять. Во дворе столкнулся с возвращавшимся откуда-то Николаем с седьмого этажа, капитаном.

– О, здорово! – обрадовался он, увидев меня. – Подготовил список подарков? Я улетаю завтра. В понедельник в рейс уходим.

– Надолго? – пожал я протянутую руку.

– Минимум на пять месяцев, но там как пойдёт, может и задержаться где придётся.

– Я зайду к тебе через полчаса, – пообещал я.

– Напомни мне, ключи тебе от новой двери оставить, – попросил он.

Не стал растягивать прогулку, ещё же с женой обсудить, что нам надо и список составить. Только вернулся домой, а Галия мне записку подаёт.

– Дядька какой-то звонил, просил передать тебе, чтобы перезвонил, вот, телефон свой оставил.

– Рязанов Иван Михайлович, – прочёл я. – Кто такой? Хорошо, сейчас перезвоню. Тут такое дело, Коля-капитан завтра в рейс уходит на пять месяцев. Так что ты, пока я звоню, давай, садись и пиши, что нам привезти. Надо список ему отнести.

Жена подхватила писать. А я набрал этого Рязанова. Это оказался главный инженер с молокозавода.

– Кажется, припоминаю, – ответил я. – Это у вас линию надо разобрать и по видам металла рассортировать? И полы в этом цеху под плитку залить на три сантиметра? Что, согласовали с руководством оплату?

– Согласовали, – подтвердил он. – Когда приступить сможете?

Вот тут я немного завис. По идее, можно уже отказываться, работу я для нашего стройотряда нашел. И, судя по налаженному на ткацкой фабрике контакту, им и новую работу должны выкатить после первой выполненной задачи. Но тут тоже соблазн есть – объем работ большой, и сумма там приличная. А на ткацкой фабрике потом ребятам можно будет по мелочам уже осенью по вечерам подрабатывать. Да и уважать больше будут, если увидят, что востребованы. Так что отказываться никак нельзя...

– Видите ли, мы взяли уже один объект, – честно сказал я. – Но, думаю, что вас тоже не бросим. Завтра я вам точно скажу, когда мы сможем у вас начать. Мы договаривались, если мне не изменяет память, на три тысячи за оборудование и десять за полы в цеху.

– Восемь за полы в цеху, – поправил меня Рязанов.

– Ах, да, восемь, – поспешно согласился я, получив подтверждение ранним договоренностям.

Мы попрощались до завтра, и я сразу перезвонил Лёхе Сандалову. Он, конечно, обалдел от такого поворота. Честно сказать, я уже тоже начал думать, что с этим вариантом ничего не выгорело. Уж больно долго ни слуху, ни духу о них не было. А получается, они просто деньги искали. И как нашли, так сразу и набрали...

– Что теперь делать-то? – запаниковал Леха. – Это же такая сумма хорошая, а мы уже на Яузе фабрику взяли.

– Подожди, не горячись, – остановил я его. – Завтра поговори с парнями. Согласятся они взять ещё один объект или нет? Может разделитесь, может по очереди все вместе будете работать сначала на одном, потом на другом объекте. Обсудите всё спокойно, взвесьте свои силы.

Тут у меня возникла еще одна мысль. У нас же еще и старшие курсы есть, и я там тоже уже с некоторыми студентами познакомился. Не сказать, чтобы все жили богато, наверняка найдутся те, кто будет очень заинтересован в такой серьезной подработке. А для меня выгодно себя положительно зарекомендовать перед как можно большим количеством студентов нашего факультета. Это же МГУ, большинство станет со временем большими начальниками. Но никогда не забудут, кто им первый в жизни стройотряд организовал и хороший заказ нашел, когда им деньги были очень нужны. Всегда можно будет, появившись на горизонте, об этом напомнить. И какую-то поддержку для собственных дел получить от них. Поэтому я после небольшой паузы продолжил:

– Если вам покажется, что для двадцати человек слишком много работы, я подтяну знакомых парней со второго курса. Но сначала получи согласие от наших. А то, может, они скажут: сами всё сделаем, будем два месяца работать, а не один.

– А, кстати, хорошая мысль, – обрадовался Лёха.

– И напomini Ираклию, чтобы к Самедову сходил, узнал, как деньги в фонд Мира переводить. А то все преподаватели в отпуска разъедутся, где потом кого искать?

– Хорошо! Спасибо, – поблагодарил меня друг и мы попрощались.

У Галии уже было всё готово, она перечислила в списке нам кроссовки по одной паре, журналы мод, написала в скобках любые, но лучше с выкройками, джинсы нам обоим, женские туфли нарядные чёрные, нитки мохеровые.

Я от себя дописал плиточный клей, взял денег четыреста рублей и пошёл на седьмой этаж. У Николая застал Григория, он тоже пришёл со своим списком и остался на проводы друга. Они и меня хотели за стол усадить, но я отказался, сославшись на завтрашний экзамен, правда, стопку выпить они меня все же убедили.

Отдал список и деньги, поинтересовался, не слишком ли большой мы список выкатили.

– Да я же капитан, а не матрос, так что нет никаких проблем, – махнул рукой безразлично Николай.

Пояснил также, что клей желательно найти, хороший, профессиональный. Такой, чтоб и на потолке держался. Сказал, что, если не хватит, доплачу потом.

Мужики поржали надо мной, мол, кто плиткой потолок выкладывает. А я возьми и ляпни:

– Да вот, зеркальную плитку хочу в ванной на потолок прилепить.

– Оригинально, – вдруг посерьёзnel капитан. – А где ты такое видел?

Я сразу понял по его виду, что он этой идеей для своего интерьерa заинтересовался.

– В ГДР, когда в командировку ездил, – соврал я. Эх, какая же это шикарная отмаза. Никто, даже, не удивляется.

И Николай только кивнул, соглашаясь:

– А я видел, как зеркальной плиткой широкие полосы в ванной выкладывали на уровне лица вдоль всей стены. Вместо зеркала. Тоже красиво.

– Можно и так, – поддержал его я и быстренько смотался.

Когда я уже пробежал мимо шестого этажа, Николай закричал мне сверху:

– Стой! Ключи забыл, – и стал спускаться ко мне.

Пришлось возвращаться. На шестом этаже мы встретились, он передал мне ключи.

– О, что вспомнил! – воскликнул я. – Затирка для межплиточных швов! Пспрашивай тоже, пожалуйста.

Тут к нам спустился Григорий, закуривая.

– Вы чего тут застряли? – спросил он.

– Да, – махнул я рукой, – хорошая мысль приходит опосля. Короче, у них затирка бывает с противогрибковой защитой, – переключился я обратно на Николая. – Чтоб грибок чёрный не заводился. Допиши в мой список, пожалуйста, тёмно-синяя, белая и малиновая затирка. Белой и малиновой по килограмму, а тёмно-синей килограмм пять. С противогрибковой защитой!

– Да понял я, понял, – ответил Николай.

Пьяненький же, забудет... Тут на этаж приехал лифт и из него вышел Линин цыган. Зыркнул на нас как-то недобро и, не здороваясь, напрямиком к Лине в квартиру.

– О, уже и ключи ему дала, – заметил я, когда дверь в квартиру за ним закрылась.

– Это ещё кто такой? – недовольно спросил Григорий.

– Артист из «Ромэна», – тихо ответил я.

– Цыган, получается? – ошарашено спросил он. Я кивнул в ответ.

– Пойдёмте, я свой список дополню, а то вы забудете про затирку, – настойчиво сказал я, жестами подгоняя мужиков, и они послушно поплелись наверх. Гриша в осадок, чувствуется, выпал, увидев этого красавчика. Пусть лучше в квартире сидит, а то сейчас еще отчебучит что-нибудь. Так-то он с Линой порвал, но в пьяном виде не факт, что четко об этом помнит...

Вернулся домой и вспомнил, что собирался лечь спать пораньше. Взял конспект и потащился в спальню. А мысли вернулись к стройотряду. Если и третий объект объявится, наши,

точно, его не потянут. Тогда, уж точно, придётся Марка Колоду подключать, пусть второкурсники там батрачат.

Глава 6

Капитан Румянцев сидел дома на диване, напротив включенного телевизора. Новости давно закончились, уже вовсю транслировали какую-то оперу, но он думал о завтрашнем разговоре с Ивлевым. Полковник Воронин, когда он к нему пришел озвучить предложение психолога о туристических путевках, чтобы поощрить Ивлева лучше работать, был непривычно задумчив. Нет, Румянцев понимал, что работа у того такая, что думать много приходится, но обычно Павел Евгеньевич решения быстро принимал. А тут выслушал его, и полминуты что-то напряженно размышлял, хмурия лоб. А потом сказал:

– Путевки – это хорошо, но недостаточно. Ситуация изменилась. Нам его надо плотно на крючок подцепить. Что эти в Верховном Совете сделали, чтобы его заинтересовать – работу ему предложили, верно? Вот и мы так же сделаем. Заботится парень о семье – очень хорошо, значит, будет больше ценить, что мы неплохие деньги ему подкидываем.

Как хотелось капитану спросить его – что же там такое изменилось по Ивлеву, что Воронин решил так расщедриться прямо с ходу... Любопытно было очень, да и разрабатывает Ивлева он сам, не помешала бы ему такая информация. Но стало понятно, что полковник ничего ему не расскажет. А это на него не похоже... Обычно Воронин старался снабжать своих подчиненных всей имеющейся у него информацией, разумно предполагая, что так работа будет сделана лучше.

Вот и сидел сейчас капитан, уставившись на экран телевизора, но не видя на нем ничего, пытаюсь сам понять, что же там по Ивлеву могло измениться? В голову приходила только одна неприятная мысль – что это что-то, что Воронин мог знать, а ему не положено. Не все тайны полковник мог обсуждать со своими подчиненными.

Но Румянцев не мог взять в толк, какая же тайна может быть связана с умным пацаном, что ее нельзя сообщить капитану КГБ, которому поручена его разработка?

Явно, что он не шпион, тогда бы с ним так не цацкались. Какая работа, какие путевки? Совсем другие бы приказы отдавались – прослушка телефона, тотальная слежка, сбор дополнительной информации. Да и поскольку сам Румянцев никогда в таком не участвовал, не его профиль, то и дело Ивлева точно забрали бы у него.

Но что тогда???

В четверг с утра приехал в университет на экзамен, а у нас митинг у аудитории. Лёха и Женя Булатов яростно агитировали членов стройотряда не делиться ни с кем работой, а всё сделать самим, даже, если придётся работать два месяца до самого начала второго курса.

– Меня Женька убьёт, – простонал оказавшийся рядом Брагин.

– Почему? – удивился я.

– Нас родители в путешествие за границу хотят отправить. Собирались сразу после свадьбы, еле уговорил их перенести на месяц. Чтобы после стройотряда поехать. Женька на меня обиделась, ей хотелось сразу после сессии и отправиться. А если я ей сейчас скажу, что вообще не поедом, это будет скандал. Тут уже и родители обидятся, – махнул он расстроено рукой.

Как у вас, у богатых, всё сложно, – подумал я, а вслух сказал:

– Не расстраивайся, может и успеете ещё всё за месяц сделать. Это как работать будете. А вообще, конечно, не простую ты девушку в жёны берёшь.

– Вот, и мама всё время это говорит, – грустно сказал он. – Кстати, они с бабушкой на свадьбу придут, а у меня комната одна... Можно будет им у тебя остановиться на пару ночей?

– Конечно, Костян. Да не переживай ты так, – попытался я подбодрить его. – И кстати... Товарищи, – решил я помочь Лёхе и Булатову. – Появилась одна мысль: если хорошо себя сейчас проявить, то вас будут регулярно приглашать в будущем на разные работы на оба эти предприятия. И не обязательно срочные. На камвольной фабрике намечается серьёзная реконструкция производства. Там работы будет немерено, можно будет договориться о подработке после учёбы по вечерам или по выходным. На самом деле, там на обоих объектах работы полно.

– Так мы и не не против, – ответил Ираклий. – Как себя проявить-то?

– Да это просто, – улыбнулся я. – Вас много, налетели как саранча, всю работу быстро раскидали, сделали все на высшем уровне, сдали, деньги получили и стоите, копытом бьёте: хозяин, новую работу давай!

Послышался смех. Не всё, конечно, будет так легко и просто, но их двадцать, а не шесть, как мы в Святославле работали. Как вспомню, так вздрогну, как выматывались. Это сам себе после говоришь – молодец, и денег заработал, и мышцы нарастил, но первая реакция всегда одна и та же.

Под шумок опять пролез на экзамен в первой пятёрке. Сдал легко, даже сам не ожидал. Преподаватель меня хорошо знал и дополнительными вопросами не мучил.

Выйдя из аудитории, спросил, что со вторым объектом решили?

– Надо конкретный ответ человеку дать, – объяснил я, – когда собираетесь приступить к работе?

– Да как мы скажем-то? – подошли ко мне Лёха с Булатовым. – Мы ж не знаем, как на камвольной фабрике дела пойдут, может мы за один день два сарая на кирпичи разберём, и ещё день на зачистку территории у йдет.

– А там ещё строительство нового корпуса, может, не сразу начнётся, – заметил Лёха. – Я с отцом говорил, там тоже подготовительная работа должна проводиться, разметка фундамента, ещё что-то. Пока они будут размечать, мы на молочный комбинат перейдём.

– Короче, парни, я говорю, что вы начинаете работать двадцать шестого, прикидываете, как идут дела на камвольной фабрике и когда вы сможете освободиться. Только после этого можно будет конкретные сроки объявить. Но вы учтите, что на молочном комбинате, если линию разберёте, то уже никуда не уходите, пока полы в цеху не зальёте. А то останется Москва без кефира, – пошутил я.

– Да это понятно, – кивнул Булатов.

– Ну, хорошо, товарищи! Удачи всем! Я пошёл, меня уже ждут, – попрощался я с группой.

Приехал на Лубянку и вызвонил с помощью дежурного на входе капитана Румянцева. Он вскоре спустился за мной. Поздоровались нейтрально, по его виду не понял, что могло стать темой для «беседы», как он вчера выразился.

В кабинете он сел на своё место, я, уже без приглашения, положил портфель на диван и сел за приставным столом для посетителей. Как к себе в кабинет уже сюда хожу, – мелькнула у меня мысль.

– Как экзамен? – спросил Румянцев.

– Сдал, – настороженно ответил я, присматриваясь к нему и пытаюсь понять, о чём сейчас пойдёт речь.

– Родина в тебе нуждается, – перешёл он наконец к делу.

– Опять? – откинулся я на стуле, испытывая откровенное разочарование.

– Что значит «опять»? – возмутился капитан. – Родина в нас всегда нуждается.

– Я уже говорил сто раз, могу ещё раз повторить: Родину люблю, защищать ее готов. Но стучать не буду. Я комсомолец, членом партии хочу стать. Я просто не понимаю, как можно это совмещать?

– Многим очень даже удаётся, – усмехнулся Румянцев. – Но речь не об этом. Речь о настоящей работе. Тебя хотят привлечь для подготовки докладов, похожих на те, что ты уже дважды делал.

– Зачем вам это? – спросил я, хотя и прекрасно понимал зачем. Ясен перец, почуяли, что я понимаю, о чем с ними беседую. Люди опытнейшие, собаку съели в поиске полезной информации. – У вас же целая армия профессионалов-аналитиков.

– Инертность мышления, – встал он из-за стола. – Послушали тебя во второй раз и поразились. Оба твоих выступления вызвали множество споров. Иногда ты высказываешь мнение, противоположное тому, что у нас общепринято. Первая реакция: да что за бред? Но потом начинаешь думать и понимаешь, что что-то в этом есть, может, не в той степени, как ты утверждаешь, но наша общая стратегия, определённо, этот фактор не учитывает... Короче! Мели, Емеля, твоя неделя.

– Вы это серьёзно, Олег Петрович? – сказал я. – Нет, приятно, конечно, слышать...

– Серьёзней некуда, – сел он опять за стол. – Я поговорил с начальством, так вот – мы готовы предложить тебе оформление на работу.

– Штатным сотрудником КГБ? – удивился я.

– Ну ясно, что не в КГБ, ты вряд ли сам захочешь, я так понимаю. Но есть возможность устроить тебя на любое предприятие Москвы. Никто и знать не будет, как ты там оказался. Кроме того, можем устроить тебе путёвки на отдых через их профсоюз: Ялта, Сочи. Для всей семьи. Вот, где ты это лето собрался провести?

– В Паланге, в Прибалтике. Жена беременна, нельзя с ней на юга, – машинально ответил я, обдумывая его предложение и, не найдя в нём очевидного подвоха, спросил: – И как часто нужно будет делать доклады?

– Раз в полторы-две недели, – сказал капитан, но потом замялся и добавил, – правда, иногда можем попросить и почаще. Мало ли какая экстренная ситуация. Но злоупотреблять не будем.

– С публичным выступлением?

– Желательно. Когда слушаешь автора идеи и есть возможность тут же задать уточняющий вопрос, это намного полезнее, чем когда читаешь безликий доклад. Написанное тоже можно понять неправильно, так что возможность сразу же и спросить, что именно имеется в виду, дорогого стоит.

– И вас не смущает, что я уже в двух местах на полставки работаю?

Ну, ясное дело, что про Верховный Совет они знают, а вот про ЗИЛ могли и не разузнать... Врать Румянцеву не буду, не та структура, где стоит врать без веской причины. Ну и проверю заодно, насколько серьёзно они под меня копали, собирая информацию...

– Ну, нас не интересует, где ты еще чем занимаешься, если будешь качественно по нашим вопросам работать.

– Тогда можно обсуждать, конечно, – ответил я. – Всегда говорил, что готов Родине служить.

Тем более, что это реальный шанс что-то изменить к лучшему и, в будущем, для всей страны, и, в настоящем, для меня. Если стучать не надо, и никаких бумаг с моей подписью у них не будет валяться, то почему бы и нет? Но все же надо поторговаться...

– Отдых – это, конечно, хорошо, – вспомнил я, что с путёвками для всей семьи у меня вопрос и так уже решён через Сатчана. – Но отпуск всего один месяц в году, а работать придётся круглый год.

– Устроим тебя на полставки куда-нибудь, будешь зарплату в течении года получать. Ходить туда не надо работать, ходить будешь только к нам с докладами. А нет, вру – в кассу будешь за зарплатой все же заходить, это верно. И отпуск в Ялте, – улыбнулся он, решив, что это шикарное предложение.

– В Ялту я и от общества «Знание» съезжу, – обдумывал я его предложение. Если трудоустройство будет фиктивное, только за зарплатой приезжать два раза в месяц, то надо выбрать предприятие где-то поближе к дому, чтобы время на поездках туда-обратно не терять.

– А на Кубу? – хитро смотрел он на меня. – На Кубу общество «Знание» тебя отправит?

– На Кубу? – улыбнулся я. – Куба – это очень серьезный аргумент.

– Вот, и полетите следующим летом, с супругой и ребенком, – рассмеялся он, оценив мою шутку. – Так, если мы договорились, то давай сразу и прикинем, куда мы можем тебя пристроить? – предложил он.

Ну что сказать? Отдых на Кубе – это круто. Океан имеет свою прелесть. Он намного чище, чем море, не надо, как на Черном море, купаться вместе со всяким дружелюбно плавающим рядом мусором. Да и простор там, не надо валяться на пляже, так плотно упакованном отдыхающими, что пройти тяжело до моря и обратно к своему лежаку.

– А нет ли в этих ваших списках НИИ Силикатов на Проспекте Мира? – спросил я на всякий случай. – Это, просто, в нескольких минутах ходьбы от моего дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.